А. С. ИЗГОЕВЪ.

СОЦІАЛИСТЫ ВО ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Цѣна 1 р. 20 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Лештуковская Паровая Скоропечатня „Свобода" Лештуковъ, 13.
1917.

А. С. Ланде

А. С. ИЗГОЕВЪ.

СОЦІАЛИСТЫ ВО ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Цѣна 1 р. 20 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Лештуковская Паровая Скоропечатня „Свобода“ Лештуковъ, 13.
1917.

Соціалисты во 2-ой русской революціи.

I.

Первые дни и приказъ № 1.

Февральское движеніе, приведшее династію Романовыхъ къ отреченію отъ престола, возникло безъ организованнаго участія въ немъ революціонныхъ соціалистическихъ партій По свѣжимъ слѣдамъ, въ № 3 „Извѣстій петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“, помѣченномъ 2 марта 1917 г., исторія эта излагалась такъ: „Прошла всего одна недѣля и какъ все перемѣнилось вокругъ! 23 и 24 февраля голодный бунтъ,—25 уже революція. Въ пятницу—забастовка и избіеніе полиціи толпой и казаками, въ субботу—разстрѣлъ толпы нѣкоторыми воинскими частями, продолжавшійся слабѣе и въ воскресенье. Въ понедѣльникъ начало массового перехода солдатъ на сторону народа и колебаніе въ рядахъ офицеровъ... Пролетаріатъ вступилъ въ борьбу *почти безо всякихъ организацій*, а лишь съ однимъ общимъ настроеніемъ: долой все старое, ибо оно стало невыносимо“.

Забастовки на разныхъ заводахъ въ Петроградѣ и его окрестностяхъ не прекращались, то разгораясь, то замирая съ начала новаго года. 10 февраля въ газетѣ „Рѣчь“ появилось письмо П. Н. Милюкова, въ которомъ онъ писалъ, что до его свѣдѣнія дошло, что какое-то лицо, назвавшее себя членомъ Гос. Думы Милюковымъ, вело въ послѣдніе дни агитацію на фабрикахъ, убѣждая рабочихъ выступить въ день возобновленія сессіи Гос. Думы 14 февраля на улицахъ Петрограда съ требованіемъ болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій отъ Гос. Думы, *съ протестомъ противъ войны.* Кромѣ того, „какіе-то люди, именующіе себя членами Гос.

Думы, раздаютъ рабочимъ оружіе". П. Н. Милюковъ обращалъ вниманіе рабочихъ, что „дурные и опасные совѣты, распространяемые въ ихъ средѣ такими низкими средствами, очевидно, исходятъ изъ самаго темнаго источника". Соціалистическія партіи были во всякомъ случаѣ чужды такой агитаціи. Уцѣлѣвшіе отъ ареста члены рабочей группы при военно-пром. комитетѣ писали: „Интересы рабочаго класса зовутъ васъ къ станкамъ". Характерно, что и письмо П. Н. Милюкова и воззваніе рабочей группы могло появиться въ печати только послѣ вмѣшательства М. В. Родзянки и рѣзкаго окрика по адресу цензуры.

Назначенная на 14 февраля демонстрація не состоялась. Но и вспыхнувшіе 23 февраля голодные бунты явились для лѣвыхъ партій, и во всякомъ случаѣ для ихъ парламентскаго представительства, вынесеннаго вскорѣ на самый гребень революціонной волны, такою же стихійной неожиданностью, какъ гапоновское движеніе или октябрьская забастовка 1905 года. При открытіи Гос. Думы были произнесены очень рѣзкія рѣчи П. Н. Милюковымъ, А. Ф. Керенскимъ и Н. С. Чхеидзе. Въ слѣдующемъ засѣданіи 15 февраля П. Н. Милюковъ говорилъ: „Гос. Дума теперь уже не одна. Она окружена дружественными ей силами, которыя слышатъ ея слова и съ ними сообразуютъ свое поведеніе". А. Ф. Керенскій въ своей рѣчи оправдывалъ терроръ. Это мѣсто его рѣчи было выкинуто изъ стенограммъ. Тогдашнее правительство обратилось къ предсѣдателю Гос. Думы съ просьбой сохранить точный текстъ стенограммы для привлеченія оратора къ судебной отвѣтственности. Въ засѣданіи 17 февраля А. Ф. Керенскій сказалъ: „Я долженъ также разсѣять неправильное толкованіе моего заявленія о томъ, что я раздѣляю нѣкоторыя убѣжденія объ опредѣленныхъ правильныхъ методахъ борьбы съ властью. Это мое личное заявленіе приписывается нѣкоторыми *той группѣ*, къ которой я принадлежу. Отвѣтственность за это мѣсто своей рѣчи *беру исключительно на себя*". Свѣдѣній о какихъ-либо партійныхъ выступленіяхъ до 23 февраля, нигдѣ опубликовано не было.

Дальнѣйшія событія по документальнымъ даннымъ рисуются такъ. Въ оффиціальной телеграммѣ, „по распоряже-

нію Исполнительнаго Комитета Гос. Думы" разосланной П. Т. Аг. и напечатанной въ московской газетѣ „Утро Россіи" отъ 2 марта (№ 59), сообщалось: „Совѣтъ старѣйшинъ 26 февраля, собравшись въ экстренномъ засѣданіи и ознакомившись съ указомъ о роспускѣ, постановилъ: Государственной Думѣ не расходиться и всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Около 1 часу дня 26 февраля делегація отъ 25,000 возставшихъ солдатъ явилась въ Гос. Думу для освѣдомленія о позиціи, занятой народными представителями. М. В. Родзянко передалъ делегаціи слѣдующее единогласно принятое постановленіе совѣта старѣйшинъ: основнымъ лозунгомъ момента является упраздненіе старой власти и замѣна ея новой. Въ дѣлѣ осуществленія этого Гос. Дума приметъ живѣйшее участіе, но до этого прежде всего необходимы порядокъ и спокойствіе. Одновременно предсѣдатель Гос. Думы вручилъ делегатамъ тексты телеграммъ, отправленныхъ царю въ ставку, начальнику штаба ген. Алексѣеву и тремъ Главнокомандующимъ фронтами". Въ этой телеграммѣ несомнѣнная неточность. Описанныя событія происходили не 26-го, а 27-го февраля, но безусловно, что первымъ лицомъ, принявшимъ *делегацію войскъ*, былъ предсѣдатель Гос. Думы. „Отряды революціонныхъ войскъ, сопровождаемые вооруженнымъ народомъ", къ которымъ обращались съ рѣчами Чхеидзе Керенскій, Скобелевъ, и другіе члены Г. Д., какъ видно изъ сообщенія въ томъ же № „Утра Россіи", появились „около 2 часовъ дня" т. е. часомъ позднѣе „делегаціи". Первая телеграмма царю была отправлена предсѣдателемъ Гос. Думы 26 февраля, въ воскресенье. Не подлежитъ также сомнѣнію, что 26 и 27 февраля дѣйствовалъ Совѣтъ Старѣйшинъ Гос. Думы исполнявшій тогда обязанности возникшаго позднѣе Временнаго Исполнительнаго Комитета, который, какъ говорится во всѣхъ источникахъ, „окончательно" образовался „ровно въ полночь 27 февраля". 27-го февраля въ $2^1/_2$ часа дня т. е. ранѣе, чѣмъ собрался даже зародышъ будущаго совѣта рабочихъ депутатовъ, состоялось въ полуциркульномъ залѣ Таврическаго Дворца общее собраніе членовъ Гос. Думы. Какъ видно изъ замѣтки „У. Р." „на обсужденіе былъ поставленъ вопросъ объ организаціи временнаго коми-

тета для поддержанія порядка въ Петроградѣ и для сношеній съ различными учрежденіями и лицами", но „въ виду многолюдности собранія выборъ временнаго комитета поручено составить совѣту старѣйшинъ". 27-го февраля *вечеромъ* (см „Извѣстія" Комитета Петроградскихъ журналистовъ № 3) собрались представители общественныхъ организацій, военно-промышленнаго комитета, земскаго и городского союзовъ, гласные петроградской городской думы, предсѣдатели санитарныхъ попечительствъ и попечительствъ о бѣдныхъ и др. Послѣ краткаго обмѣна мнѣній, совѣщаніе приняло единогласно слѣдующую резолюцію: «Представители общественныхъ организацій, собравшись 27 февраля на совѣщаніе, привѣтствуютъ постановленія Гос. Думы не расходиться и ея рѣшимость принять власть въ свои руки. Временный Комитетъ изъ членовъ Гос. Думы, опирающійся на силы сознательной части арміи совмѣстно съ рабочими и населеніемъ встрѣтитъ дружную поддержку общественныхъ организацій и дастъ, наконецъ, Россіи полную побѣду надъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагомъ".

Совѣта Рабочихъ депутатовъ въ это время еще не было. Но днемъ 27-го февраля вскорѣ послѣ начала засѣданія Гос. Думы, въ Таврическомъ дворцѣ собралось нѣсколько представителей разныхъ лѣвыхъ партій, которые безъ всякихъ партійныхъ директивъ выпустили къ населенію отдѣльный листокъ отъ имени «Исполнительнаго Комитета представителей рабочихъ и солдатъ». Въ этомъ листкѣ они писали: «Граждане! Засѣдающіе въ Гос. Думѣ представители рабочихъ, солдатъ *и населенія* Петрограда объявляютъ, что *первое* засѣданіе этихъ представителей состоится сегодня вечеромъ въ помѣщеніи Г. Думы». Далѣе предписывалось выбирать депутатовъ по одному на роту и на 1000 рабочихъ. Въ этомъ самомъ воззваніи, когда оно на слѣдующій день появилось въ «Извѣстіяхъ», сдѣланы уже были два характерныхъ измѣненія. Озаглавлено оно было иначе: «Воззваніе *совѣта* рабочихъ депутатовъ», а время собранія указано «сегодня въ 7 часовъ веч.». На самомъ дѣлѣ «Совѣта» тогда еще не было, а состоялось собраніе значительно позднѣе 7 час. вечера, позже собранія представителей общественныхъ органи-

зацій, которые, къ сожалѣнію, никакого исполнительнаго общественнаго органа для поддержки Гос. Думы изъ своей среды не выдѣлили. Указанныя измѣненія сдѣланы, очевидно, заднимъ числомъ для установленія пріоритета «Совѣта рабочихъ депутатовъ», на самомъ дѣлѣ возникшаго позднѣе думскаго Временнаго Комитета и позднѣе собранія представителей общественныхъ организацій. 28 февраля, вообще, замѣтно уже вмѣшательство въ революцію партійныхъ социалъ-демократовъ—большевиковъ, внесшихъ въ нее свои противо-военные лозунги, хотя первый листокъ, выпущенный петрогр. междурайоннымъ комитетомъ р. с.-д. р. п. совмѣстно съ партіей с.-р. еще не рѣшался заговорить противъ войны.

Среди большевиковъ дѣйствовалъ въ то время еще не разоблаченный редакторъ бывшей «Правды» Черномазовъ. Первое дѣйствіе Совѣта рабочихъ депутатовъ, председателемъ котораго избранъ былъ Н. С. Чхеидзе, а товарищами А. Ф. Керенскій и М. И. Скобелевъ (все—члены Думы!), относится къ 4-мъ часамъ утра 28 февраля 1917 г. Въ тотъ же день вышелъ № 1-ый «Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ», лишь 2-го марта подъ вліяніемъ большевиковъ прибавившихъ къ заголовку «и солдатскихъ». Въ первомъ же номерѣ въ прибавленіи напечатанъ «Манифестъ» Центральнаго Комитета Росс. соц.-дем. раб. партіи т. е. большевиковъ. Въ манифестѣ этомъ уже говорится: «Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатами воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ». Вторая, антинаціональная струя революціи забила слѣдовательно почти одновременно съ патріотической. Тѣнь Циммервальда уже проскользнула въ Россію, но на это пока еще не обращали достаточнаго вниманія! Меньшевики въ лицѣ «Организаціоннаго Комитета» выступили только на слѣдующій день. Ихъ воззваніе напечатано въ № «Извѣстій Совѣта» отъ

1 марта. Упомянувъ въ общей формѣ, что «революціонный народъ дѣйствуетъ въ страшно отвѣтственный моментъ, когда страна стоитъ подъ игомъ войны и продовольственной разрухи, когда милліоны нашихъ братьевъ еще на фронтѣ и всемірное побоище все еще продолжается», меньшевики напоминаютъ «уроки 1905 года». «Намъ нужно—говорятъ они—чтобы за дѣло русской свободы пошли въ борьбу *всѣ* классы и элементы народа, не продавшіеся старому строю и имъ не развращенные. Намъ нужно, чтобы пролетаріатъ, вновь вставшій въ авангардѣ революціи, былъ окруженъ толстой и плотной стѣной всенароднаго сочувствія и содѣйствія». Больше всего меньшевики обращали вниманія на организацію рабочаго класса и совѣтовъ рабочихъ (только!) депутатовъ.

28-го февраля въ Г. Думѣ несомнѣнно засѣдали представители соціалистическихъ теченій, кромѣ членовъ думской фракціи, въ томъ числѣ Н. Д. Соколовъ, Стекловъ (Нахамкисъ), меньшевикъ товарищъ Максимъ (С. А. Клівански́й). Характерно, что первые двое, считавшіеся представителями «большевиковъ», впослѣдствіи заявили, что формально къ большевистскимъ организаціямъ они не принадлежали. Первое засѣданіе Совѣта открылось привѣтственной рѣчью члена Гос. Думы Н. С. Чхеидзе. Какъ извѣстно, лидеръ думскихъ соціалъ-домократовъ-меньшевиковъ былъ избранъ и предсѣдателемъ Совѣта раб. депутатовъ, а Керенскій и Скобелевъ его товарищами. Постъ министра юстиціи во временномъ правительствѣ А. Ф. Керенскій занялъ, не испрашивая предварительно согласія Совѣта. Онъ только сложилъ свои полномочія товарища предсѣдателя, и былъ тутъ же немедленно безъ голосованія, единодушными рукоплесканіями и криками «просимъ» переизбранъ (par acclamation). Въ первомъ же засѣданіи Совѣта рѣшено было «предложить Комитету Гос. Думы принять участіе въ извѣстной долѣ финансированія Совѣта рабочихъ депутатовъ». О выступленіяхъ другихъ партій имѣются такія свѣдѣнія. Изъ протоколовъ Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы видно, что имъ 1-го марта былъ одобренъ текстъ воззванія отъ имени этой партіи. Въ № 5

«Извѣстій» отъ 2 марта, отпечатанныхъ въ типографіи «Новаго Времени», помѣщено воззваніе «Трудовой группы». Въ этомъ воззваніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто: «Рука объ руку и плечомъ къ плечу должны всѣ, сочувствующіе дѣлу народнаго освобожденія, идти на штурмъ послѣднихъ твердынь власти, *самоотверженно повинуясь временному правительству, организованному Государственной Думой*».

Въ № 9 «Извѣстій» отъ 4 марта и въ № 50 «Р. Слова» отъ того же 4 марта находимъ первое упоминаніе о партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ краткомъ отчетѣ о конференціи петроградскихъ с.-р., состоявшейся 2-го марта. Въ этомъ засѣданіи представитель с.-р. въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ сдѣлалъ докладъ объ организаціи Совѣта, его составѣ и дѣятельности, а также и о позиціи, занятой въ Совѣтѣ с.-р. Конференція признала «настоятельно необходимой поддержку временнаго правительства, поскольку оно будетъ выполнять объявленную имъ политическую программу» и «настоятельно нужной борьбу со всякими попытками, подрывающими организаціонную работу временнаго правительства» и «товарищески привѣтствовала» въ лицѣ А. Ф. Керенскаго, «стойкаго, неустаннаго борца за народовластіе, вождя революціи, вошедшаго во временное правительство для защиты правъ и свободы трудящихся массъ».

Изъ отчета о конференціи с.-р. видно, что къ тому времени, т. е. очевидно 1-го или 2 марта, были уже выступленія какихъ-то соціалистическихъ группъ или лицъ, признававшіяся конференціей крайне вредными для революціи. На конференціи—говорится въ отчетѣ—была оглашена «прокламація къ солдатамъ, подписанная въ числѣ другихъ организацій, также и партіей с.-р. Конференція рѣзко осудила эту прокламацію, какъ крайне неудачно составленную, вселяющую въ народныя массы взаимное недовѣріе и рознь, къ тому же изданную безъ всякаго вѣдома правомочныхъ партійныхъ учрежденій». Съ какой-то прокламаціей, не получившей, къ счастью, большого распространенія, подписанной именами двухъ соціалистическихъ партій, проникнутой «страннымъ озлобленіемъ противъ всѣхъ офицеровъ, огульно,

безъ исключенія», К. Совѣта считалъ нужнымъ полемизировать въ особомъ обращеніи 3 марта (См. Изв. С. р. и с. д. № 125).

О какихъ-то загадочныхъ выступленіяхъ соціалистовъ говоритъ и слѣдующее письмо, напечатанное въ № «Русскаго Слова» отъ 5 марта:

«Ознакомившись съ замѣткой, помѣщенной въ № 4 «Извѣстій рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», подъ заглавіемъ: «Рѣчь Н. С. Чхеидзе», считаю долгомъ категорически заявить, что мои слова о «провокаціонныхъ листкахъ, натравляющихъ солдатъ на офицеровъ и подписанныхъ именемъ с.-д. организацій, относились къ какому-то листку, призывающему солдатъ къ насилію надъ офицерами, а не къ листку петроградскаго междурайоннаго комитета россійской с.-д. партіи и с.-р., въ коемъ не было рѣшительно никакихъ призывовъ къ насилію надъ офицерами. *Н. Чхеидзе*».

Вліяніе большевиковъ съ 1 марта уже начинаетъ явственно ощущаться въ совѣтѣ раб. депутатовъ. Ихъ вліяніемъ объясняютъ и пресловутый приказъ № 1-ый, сыгравшій такую роковую роль въ судьбѣ нашей арміи. По весьма путаннымъ объясненіямъ Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп. (№ 125) выходитъ, что авторами приказа были не отдѣльныя лица, а «пленарное собраніе Совтта» т. е. десятки лицъ. По объясненію Врем. Комитета Гос. Думы поздно вечеромъ 1-го марта полковнику Энгельгарду неизвѣстнымъ ему членомъ Сов. р. и с. д. въ военной формѣ было предложено написать приказъ объ отношеніяхъ солдатъ и офицеровъ. Получивъ отвѣтъ, что Врем. Комитетъ Г. Думы находитъ изданіе такого приказа преждевременнымъ, неизвѣстный ушелъ со словами «Тѣмъ лучше, напишемъ сами». Днемъ 2-го марта приказъ № 1 былъ распубликованъ. Судя по № 3 «Извѣстій» въ засѣданіи Совѣта 1 марта тов. Максимомъ (меньшевикомъ С. А. Кливанскимъ, какъ онъ самъ раскрылъ въ «Днѣ» свой псевдонимъ) былъ поставленъ вопросъ «объ угрожающемъ поведеніи Временнаго Комитета Госуд. Думы по отношенію къ революціонному войску». «Угрожающее поведеніе» состояло въ томъ, что Комитетъ Г. Думы призывалъ солдатъ слушаться своихъ офицеровъ. Поэтому тов. Максимъ

и предложилъ четыре мѣры: 1) предложить солдатамъ не выдавать оружія никому, 2) немедленно избрать представителей въ Совѣтъ, 3) предложить тов. солдатамъ подчиняться при своихъ политическихъ выступленіяхъ только Совѣту Р. и С. Д. и 4) подчиняясь во фронтѣ офицерамъ вмѣстѣ съ тѣмъ считать ихъ внѣ фронта равноправными гражданами». Всѣ эти четыре пункта и вошли почти буквально въ приказъ № 1. Тогда же рѣшено было «обратиться къ гарнизону съ воззваніемъ», которое и вылилось въ этотъ «приказъ». Приказъ повелѣвалъ немедленно выбрать вездѣ «комитеты», въ политическихъ выступленіяхъ подчиняться только имъ и Совѣту р. и с. д., не выдавать офицерамъ безъ разрѣшенія комитетовъ никакого оружія, отмѣнить отданіе чести и титулованіе и о «всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами» «доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ». Тѣмъ самымъ было уничтожено всякое подчиненіе солдатъ офицерамъ, мѣсто которыхъ замѣнили выборные и смѣняемые по желанію ротные комитеты, а комитеты естественно первымъ дѣломъ начали смѣнять старыхъ начальниковъ и выбирать новыхъ. Такимъ образомъ дисциплина была подорвана въ корнѣ. И хотя 5 марта Исполн. Комитетъ Совѣта и разъяснилъ приказомъ № 2, что приказъ № 1 относится только къ петроградскому гарнизону и не говоритъ о выборѣ комитетами офицеровъ, но дѣлу это не помогло. Комитеты продолжали смѣнять и выбирать офицеровъ, а изъ столичнаго гарнизона это дезорганизующее армію начало быстро перенеслось и въ боевыя части, стоявшія на военныхъ рубежахъ. Дѣло было сдѣлано. Армія наша оказалась небоеспособной и германцы получили возможность отвести свои войска на западный фронтъ для пріостановки грознаго для нихъ англо-французскаго наступленія.

Изъ протоколовъ засѣданій Центр. Комитета партіи Народной Свободы видно, что онъ дважды, 4 и 7 марта, обсуждалъ этотъ злосчастный приказъ № 1. 4-го марта было рѣшено отпечатать, распространить и расклеить на улицахъ «заявленіе Керенскаго и Чхеидзе о приказѣ № 1» и «повторять въ каждомъ послѣдующемъ № «Извѣстій» опроверженіе этого приказа съ указаніемъ, что онъ не исходитъ отъ Совѣта

рабочихъ депутатовъ». Характерно, что въ имѣющемся у меня комплектѣ «Извѣстій» ни заявленія Керенскаго и Чхеидзе, ни упомянутаго опроверженія не имѣется. Очевидно, напечатать ихъ не удалось. 7 марта Ц. К. постановилъ довести до свѣдѣнія Совѣта, что, обсудивъ полученныя имъ извѣстія о чрезвычайной смутѣ и рядѣ бѣдственныхъ происшествій въ арміи и флотѣ, произведенныхъ приказомъ № 1, изданнымъ Совѣтомъ Р. и С. Д., комитетъ призналъ своимъ гражданскимъ долгомъ обратиться къ Совѣту съ заявленіемъ о необходимости полной и ясной отмѣны этого приказа во имя сохраненія нашей боевой силы, безъ чего немыслимо успѣшное доведеніе войны до конца».

Вслѣдъ за этимъ, за подписями тов. предсѣдателя И. К. Совѣта М. Скобелева и военнаго министра А. Гучкова было опубликовано воззваніе о пагубности розни между солдатами и офицерами и о томъ, что приказы 1-ый и 2-ой относятся только къ войскамъ петроградскаго округа. Однако, ясной и откровенной отмѣны этихъ приказовъ добиться не удалось.

Такимъ образомъ, хотя г.г. Керенскій и Чхеидзе и отрицали, что приказъ № 1 изданъ Совѣтомъ, послѣдній его обратно не взялъ и вокругъ этого, самаго пагубнаго, акта революціи сгустилась толстая пелена намѣренной неясности и лицемѣрія. Столь дружественный «лѣвымъ» Д. С. Мережковскій вполнѣ основательно писалъ въ «Днѣ» отъ 23 мартъ 1917 г. «Надо правду сказать: если эта ошибка не сдѣлалась преступленіемъ, «открытіемъ фронта», то только благодаря чуду».

II.

Разложеніе арміи.

На второй или на третій день революціи тѣнь Циммервальда уже проскользнула въ Россію. Это—основной фактъ, безъ пониманія котораго нельзя разобраться во всѣхъ преступленіяхъ и несчастьяхъ, обрушившихся на наше отечество.

Въ сентябрѣ 1915 г. въ швейцарскомъ Циммервальдѣ съѣхались члены соціалистическихъ меньшинствъ разныхъ странъ, сошедшіеся другъ съ другомъ на отрицаніи права защиты родины отъ вражескаго нашествія. Съѣхавшіеся не являлись формальными представителями какихъ бы то ни было партій или организацій. Среди «делегатовъ» преобладали швейцарцы, руководимые столь прославившимся Робертомъ Гриммомъ и Пляттеномъ, итальянцы и русскіе эмигранты—пораженцы съ ихъ вождями Ленинымъ (В. Ульяновымъ), Зиновьевымъ (Апфельбаумомъ-Радомысльскимъ), В. М. Черновымъ и др., польскіе соціалисты типа Радека (онъ же Крадекъ-Собельсонъ) и Ганецкаго (Фюрстенбергъ). Въ 1916 г. послѣдовалъ второй циммервальдскій съѣздъ въ Кинталѣ. Предсѣдателемъ обоихъ съѣздовъ, равно какъ и постояннаго учрежденія этого «третьяго интернаціонала» «Бернской соціалистической комиссіи», избранъ былъ Робертъ Гриммъ, смѣнившій, такимъ образомъ на посту главы интернаціонала кристально чистаго Вандервельда, повиннаго въ грѣхѣ соціалъ-патріотизма...

Въ разосланномъ Роб. Гриммомъ приглашеніи на третью циммервальдскую конференцію, созывавшуюся первоначально на 2-ое мая 1917 г. въ Стокгольмѣ и состоявшуюся въ августѣ, туда призывались всѣ партіи и организаціи, примыкающія къ лозунгу: «*Борьба противъ примиренія партій, возобновленіе классовой борьбы, требованіе немедленнаго перемирія и заключенія мира безъ аннексій и контрибуцій на основахъ свободнаго самоопредѣленія народовъ*». Вотъ эта программа и была примѣнена къ Россіи съ результатами, извѣстными всѣмъ. Работали, главнымъ образомъ, соціалъ-демократы. Соціалъ-революціонеры, игравшіе, вообще, роль поддужныхъ, не всегда ясно понимавшихъ, что ихъ заставляютъ дѣлать, помогали по мѣрѣ силъ и только въ земельномъ вопросѣ, соревнуя большевикамъ, постарались взять инициативу разрушенія сельскаго хозяйства.

Среди соціалъ-демократовъ одинаково усердно трудились и большевики и меньшевики, стоявшіе на циммервальдской платформѣ. Но въ то время какъ большевики брали на себя

преимущественно домашнюю, черную, грязную работу разрушенія военныхъ, государственныхъ и промышленныхъ силъ, меньшевики, покрывая и прикрывая большевиковъ, трудились въ болѣе чистой «международной области», дѣлая высокую политику.

Большевики, формально отдѣлившие себя отъ остальной русской соціалъ-демократіи, дѣйствовали черезъ засѣдавшие въ столицѣ «Центральный» и «Петербургскій» Комитеты съ ихъ районными и прочими отдѣлами. Большую помощь оказывали имъ Кронштадтъ и Гельсингфорсъ. Въ провинціи, въ Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, на Уралѣ, Костромѣ, Иваново-Вознесенскѣ и т. д. существовали сильныя большевистскія организаціи. Главнымъ органомъ большевиковъ была «Правда», для солдатъ издавалась «Солдатская Правда», для женщинъ—«Работница». Въ провинціи издавалось множество большевистскихъ листковъ. Среди интеллигенціи работала «Новая Жизнь», которую М. Горькій сталъ издавать послѣ революціи съ большевиками и интернаціоналистами вмѣсто англофильскаго и патріотическаго «Луча», который онъ же незадолго до революціи, собирался издавать, о чемъ были уже и публикаціи, въ компаніи съ проф. Виноградовымъ и Бернацкимъ. Въ 24 часа М. Горькій изъ англофила превратился въ англофоба, изъ патріота въ интернаціоналиста и пораженца, причинившаго Россіи не меньше зла, чѣмъ, Ленинъ и К°. Исторія не забудетъ этого превращенія...

Меньшевики были организованы гораздо слабѣе. Первоначально ихъ органъ «Рабочая Газета» издавался «Организаціоннымъ Комитетомъ» и «Петроградской организаціей» партіи. Но затѣмъ «Петроградская Организація», принявшая рѣзче выраженный интернаціоналистскій характеръ, изъ газеты ушла.

«Организаціонный Комитетъ», сдѣлавшійся единымъ руководителемъ «Рабочей Газеты», вмѣщалъ въ свои ряды и «оборонцевъ» и «интернаціоналистовъ». Разница заключалась лишь въ томъ, что чистые «оборонцы», причастные къ грѣху «соціалъ-патріотизма», въ родѣ напр. А. Потресова, хотя не исключались изъ партіи, но и не допускались на

столбцы газеты, руководимой г. Церетелли, и должны были перекочевать въ «День», тогда какъ писанія «анти-оборонца» г. Ерманскаго, весьма близкаго къ Мартову, Троцкому, слѣдовательно, и Ленину, печатались газетой, даже когда этотъ «меньшевикъ» агитировалъ противъ «займа свободы»... Организаціи меньшевиковъ были слабы и въ столицѣ и въ провинціи, за исключеніемъ Кавказа. Газетъ у нихъ было мало и, нося интеллигентскій характеръ, не способныя, а кое-гдѣ и не желавшія, конкурировать съ большевиками въ демагогіи, меньшевистскія газеты слабо расходились въ рабочей и солдатской средѣ.

Роль дѣйственнаго и руководящаго соціалистическаго центра исполнялъ Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, издававшій «Извѣстія», двѣнадцатидюймовое орудіе «Извѣстія» пускались въ ходъ для давленія на правительство, для пробитія бреши, въ которую затѣмъ и бросались большевики, меньшевики и прочіе... До вхожденія въ министерство соціалистовъ въ «Извѣстіяхъ» дружно работали и большевики, и меньшевики. Въ срединѣ мая, когда соціалисты очутились у власти, г.г. Бончъ-Бруевичъ, Цыперовичъ, Авиловъ, Стекловъ вынуждены были уйти изъ редакціи, хозяевами которой остались меньшевики Данъ, Войтинскій и др. Кромѣ этихъ крупныхъ организацій были еще разныя мелкія группки циммервальдистовъ, собиравшіеся вокругъ разныхъ болѣе или менѣе обиженныхъ вождей и причинившія Россіи, вплоть до анархистовъ, не исключенныхъ изъ «Совѣта», весь тотъ вредъ, на которой они были способны.

Съ самаго начала революціи военная сила Россіи, армія, привлекла къ себѣ наибольшее вниманіе циммервальдистовъ. Приказъ № 1 сдѣлалъ свое адское дѣло: пропасть между солдатами и офицерами, не желавшимъ унижаться до безсовѣстной демагогіи и лести толпѣ, стала непроходимой. Это не мѣшало «Правдѣ» даже 15 апрѣля (№ 33) писать якобы отъ имени матроса А. Щербакова такія наускивающія строки: «Товарищи, взгляните, хоть па нашихъ т.т. офицеровъ флота и арміи: они ли не обѣщались быть защитниками народной свободы. Но до сихъ поръ большинство не можетъ разстаться съ золотыми погонами, которые напоминаютъ имъ

и намъ все старое порабощеніе, смущаютъ робкихъ и озлобляютъ смѣлыхъ». Удивляться ли тому, что поощряемые «смѣлые» начали срывать на улицахъ съ офицеровъ погоны—и сколько трагедій разразилось изъ-за этого! Но и «умѣренная», меньшевистская «Рабочая Газета» не могла 5-го апрѣля отказать себѣ въ удовольствіи, разслѣдуя вопросъ, «откуда идутъ попытки натравить солдатъ на рабочихъ», пустить такую инсинуацію: «Многіе офицеры недовольны тѣмъ, что теперь нельзя уже пользоваться даровымъ трудомъ деньщиковъ, нельзя безконтрольно хозяйничать въ ротахъ, нельзя безнаказанно помыкать солдатомъ, принижать его человѣческую личность—когда солдаты организовались въ свои комитеты и требуютъ равенства въ отношеніяхъ» (№ 23). Вотъ «откуда идутъ попытки»...

Но эта демагогія—работа мелкая, теперь почти не нужная. Независимый офицеръ, говорящій солдату правду въ лицо, вліяніемъ уже не пользовался, едва ли даже имѣлъ доступъ къ солдату. Опаснѣе вожди арміи, генералы. Они стоятъ нѣсколько поодаль отъ солдатской массы. Противъ большинства изъ нихъ нѣтъ и мелкихъ обидъ, опираясь на которыя, можно начать агитацію. Многіе изъ генераловъ дороги солдатамъ по воспоминаніямъ о прежнихъ походахъ и славныхъ побѣдахъ. Къ тому же генералы не хотятъ молчать. Видя начинающееся разложеніе арміи, они говорятъ, протестуютъ, кричатъ, убѣждаютъ. Генералы становятся опасны. Противъ нихъ надо начать походъ....

Застрѣльщиками выступили большевики. «Правда» въ первомъ же своемъ номерѣ донесла, что «буржуазныя партіи уже теперь стремятся ввести революцію въ умѣренное русло—организуютъ офицеровъ, призываютъ солдатъ къ подчиненію ему (?имъ?)». Вскорѣ «петербургскій комитетъ» постановилъ предложить Совѣту р. и с. д. принять мѣры «къ свободному доступу на фронтъ и въ ближайшій его тылъ для преобразованія фронта» «нашихъ партійныхъ агитаторовъ». А этимъ «агитаторамъ» предлагалось обращаться «съ призывомъ къ братанью на фронтахъ» (Правда № 3, 8 марта). Большевистское «предложеніе» вызвано было тѣмъ, что работа «агитаторовъ» встрѣтила нѣкоторое пре-

пятствіе. Уже 3-го марта членъ И. К. Совѣта, одинъ изъ редакторовъ «Извѣстій» большевикъ Бончъ-Бруевичъ обратился къ ген. Рузскому съ письмомъ. Въ своемъ отвѣтѣ ген. Рузскій, заявляя, что армія вполнѣ приняла «существующее правительство», просилъ однако, чтобы «уполномоченные и другія лица комитета, прибывающія въ предѣлы сѣвернаго фронта», обращались сначала къ генералу, а не прямо къ войскамъ. «Всякія волненія» въ «главной квартирѣ» «недопустимы»—справедливо писалъ ген. Рузскій. За этотъ отвѣтъ на него жестоко обрушились «Извѣстія», потребовавъ «свободы дѣйствій митинговъ въ любомъ мѣстѣ Россіи, въ томъ числѣ и на фронтѣ» и противоставивъ ген. Рузскому другого, болѣе понимающаго современную обстановку генерала, Бончъ-Бруевича. (См. *День* отъ 7-го марта, *Рѣчь* отъ 8-го).

За ген. Рузскимъ послѣдовали и другіе. Въ № 8 „Извѣстій"—выходка противъ ген. М. В. Алексѣева, въ № 11 (отъ 10 марта) — противъ ген. Радко-Дмитріева, которому вмѣняется въ вину напоминаніе чинамъ арміи, что „законно-установленная власть, олицетворенная исполнительнымъ комитетомъ Гос. Думы и новосоставленнымъ правительствомъ, одна можетъ измѣнять или отмѣнять существующіе законы и уставы". Популярнѣйшіе вожди русской арміи именуются совѣтскимъ офиціозомъ „генералами-усмирителями", „щедринскими героями". Отъ ген. Радко-Дмитріева переходятъ къ ген. Драгомирову, высказавшему ту же преступную мысль, что „всѣ нынѣ дѣйствующіе уставы и законы должны сохранять полную силу до выхода новыхъ положеній на ихъ замѣну". У ген. Драгомирова есть еще и другая вина: „приказъ, не дозволяющій солдатскимъ депутатамъ ѣздить въ Петроградъ, не признающій правъ избранныхъ солдатами разныхъ комитетовъ" (Изв. № 18). Въ результатѣ „Исполнительный Комитетъ" Сов. р. и с. д. объявляетъ „ставку", „центромъ контръ-революціи", говоритъ уже о „генералахъ-мятежникахъ" и требуетъ отъ правительства „мѣръ для обезвреживанія" мнимыхъ „заговорщиковъ". А никто иной, какъ пресловутый Стекловъ-Нахамкисъ позволилъ себѣ въ засѣданіи Совѣта 14 марта съ неподражаемой

развязностью говорить: „Бывшая царская ставка въ Могилевѣ сейчасъ сдѣлана контръ-революціоннымъ центромъ: мятежники-генералы, не желающіе подчиниться волѣ русскаго народа, реакціонные генералы... ведутъ открытую контръ-агитацію среди солдатъ... Мы потребовали отъ Временнаго Правительства, чтобы оно заранѣе объявило внѣ закона тѣхъ мятежныхъ генераловъ, которые дерзаютъ святотатственно поднять свою жалкую руку... Не только всякій офицеръ, всякій солдатъ не должны ему повиноваться, но всякій офицеръ, всякій солдатъ, всякій гражданинъ имѣетъ право и обязанность его убить раньше, чѣмъ онъ подниметъ свою руку... (Голоса: правильно! апплодисменты) (Изв. № 18, стр. 4—5).

Послѣ стекловскаго воззванія къ убійству генераловъ, „Извѣстія" въ слѣдующемъ же № (19) напечатали „единогласное" требованіе прославившагося вскорѣ 176 пѣхотнаго запаснаго полка: „Немедленно отрѣшить отъ должностей тѣхъ главнокомандующихъ фронтомъ и командующихъ арміями, кои препятствуютъ широкому распространенію въ ввѣренныхъ имъ арміяхъ дѣйствительныхъ свѣдѣній о революціи". Вскорѣ наступила очередь и ген. Корнилова, назначеннаго главнокомандующимъ петроградскаго округа. Въ самый день 20 апрѣля, когда членъ Исп. Ком. Федоръ Линде только еще подготовлялъ выводъ Финляндскаго полка на Маріинскую площадь, „Извѣстія" (№ 45) уже напечатали подписанное какимъ-то Заболотскимъ постановленіе отъ имени солдатъ запаснаго Электрическаго батальона, что они „всѣми силами протестуютъ противъ приказа Корнилова объ отобраніи оружія у петроградскихъ рабочихъ и требуютъ немедленной отмѣны этого приказа". Когда же на слѣдующій день ген. Корниловъ сдѣлалъ попытку самостоятельно распорядиться ввѣренными ему войсками, то Исполн. Комитетъ издалъ приказаніе, по которому „только Исполнительному Комитету принадлежитъ право располагать" войсками. „Каждое распоряженіе—говорилось въ этомъ воззваніи—приказѣ—о выходѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ Исполнительнаго Комитета, скрѣплено его печатью

и подписано не меньше, чѣмъ двумя, изъ слѣдующихъ 7 лицъ: Чхеидзе, Скобелевъ, Бинасикъ, Филипповскій, Скаловъ, Гольдманъ, Богдановъ". (№ 47). Всѣ попытки правительства добиться отмѣны этого совѣтскаго приказа не привели ни къ чему и ген. Корниловъ вынужденъ былъ сложить свои обязанности. Исп. Ком. побѣдилъ!.. Еще раньше, 10 апрѣля въ Петроградѣ сдѣланъ былъ доносъ на „штабъ румынскаго фронта", который „всячески тормозитъ организацію арміи, боясь и не довѣряя солдатамъ". Штабу ставилось въ вину „равнодушіе къ судьбѣ нѣсколькихъ сотъ русскихъ дезертировъ скрывшихся въ Румыніи до ея выступленія", „рѣчи о полной анархіи въ странѣ", то, что „благодарныя румынскія власти гор. Яссъ, идя на встрѣчу боязни красныхъ значковъ и знаменъ, воспретили магазинамъ продавать русскимъ солдатамъ красную матерію" и т. д. Весь этотъ нелѣпый и постыдный доносъ, подписанный прапорщикомъ Большаковымъ, напечатанъ въ № 46 „Извѣстій". Протестъ ген. Щербачева противъ самоуправнаго освобожденія изъ тюрьмы русскими солдатами румынскаго соціалиста Раковскаго, конечно, только подлилъ масла въ огонь этой травли. Заявленіе ген. Щербачева именуется „Извѣстіями" „наглой выходкой" (№ 58). „Можетъ ли онъ быть теперь начальникомъ?—грозно спрашивали „Извѣстія" Какія могутъ быть отношенія между тѣми, чей можетъ быть, незакономѣрный, но благородный поступокъ нагло оплевывается и тѣми, кто себѣ это оплевываніе позволилъ?" Но главнымъ врагомъ остается по прежнему Верховный Главнокомандующій ген. Алексѣевъ. Каждому солдату предоставлена полная свобода политическихъ мнѣній. Онъ можетъ требовать, что ему угодно, ругать всѣхъ министровъ и начальниковъ, высказывать свои сужденія по любому вопросу. Но когда ген. Алексѣевъ въ одной рѣчи сказалъ, что „миръ безъ аннексій и контрибуцій"—„утопическая фраза", „Извѣстія" позволили себѣ заговорить въ такомъ тонѣ: „Правительство, въ составъ котораго входятъ представители Совѣта р. и с. д., сумѣетъ, конечно, поставить (зарвавшаго) (?ся?) генерала на мѣсто...Ген. Алексѣевъ ошибается, если думаетъ, что революціонный народъ позволитъ

ему говорить о возстановленіи дружескихъ отношеній между офицерами и солдатами, а на самомъ дѣлѣ вбивать новый клинъ между ними" (№ 63). И какъ въ исторіи съ ген. Корниловымъ, Совѣтъ опять побѣдилъ. Уже дней черезъ десять въ № отъ 10 мая (73) „Извѣстія" получили возможность неприлично торжествовать по поводу „Смѣны Верховнаго Главнокомандующаго". Съ ненавистью соціалистовъ къ ген. Алексѣеву могла соперничать развѣ только ихъ ненависть къ адм. Колчаку и ген. Корнилову.

Если такъ писали о высшемъ командномъ составѣ оффиціальныя „Извѣстія" Совѣта, то понятно, какимъ языкомъ говорила остальная соціалистическая печать. Для „Правды" ген. Алексѣевъ былъ только однимъ изъ „такихъ явныхъ, такихъ наглыхъ реакціонеровъ" (№ 4). Даже скромная меньшевистская „Рабочая Газета" позволила себѣ уже въ маѣ мѣсяцѣ помѣстить никѣмъ не подписанное письмо „полкового комитета 151 пѣх. Пятигорскаго полка", въ которомъ ген. Алексѣевъ обвинялся въ томъ, что ему „важно было показать, что онъ можетъ безнаказанно оплевать и опозорить кого захочетъ... ген. Алексѣеву не дорога честь революціоннаго солдата, ибо всѣмъ этимъ генераламъ-бюрократамъ демократизація арміи не по носу табакъ" (№ 61). Въ это время руководитель „Раб. Газ." г. Церетелли былъ уже членомъ министерства!...

Такъ уничтожались звенья дисциплины сверху, дискредитированіемъ и натравливаніемъ солдатъ на высшій командный составъ, на лучшихъ нашихъ генераловъ, которые умѣли не только водить русскую армію къ побѣдамъ, но и переносить вмѣстѣ съ ней всѣ ужасы отступленія и пораженія. Не менѣе дѣятельная работа шла снизу. Уже 12 марта солдатская секція Совѣта р. и с. д. по поводу выработаннаго правительствомъ текста присяги постановила: „къ опубликованной присягѣ не приводить, а гдѣ это произошло, считать присягу не дѣйствительной" (№ 14). Понятенъ восторгъ, съ которымъ встрѣтила эту вѣсть „Правда", и раньше призывавшая къ такому явно бунтовщическому дѣянію. Но въ тысячу разъ хуже фактъ, о которомъ „Извѣстія" сообщили въ такой скромной формѣ: „Въ заклю-

ченіе предсѣдатель обратилъ вниманіе Совѣта, что фактъ отклоненія текста присяги не означаетъ призыва къ неповиновенію Временному Правительству". Стыдливыя „Извѣстія" предусмотрительно не сообщили имени этого „предсѣдателя", образцоваго лицемѣра, заблаговременно, на всякій случай, спѣшившаго защитить себя отъ судебнаго преслѣдованія.

Только 16 апрѣля Совѣту р. и с. д. удалось сдѣлать второй столь же крупный дезорганизаторскій актъ, какъ отклоненіе присяги. По предложенію «докладчика Соколова» общимъ собраніемъ «огромнымъ большинствомъ голосовъ» принята была резолюція, что «С. р. и с. д. признаетъ необходимымъ направлять на фронтъ маршевыя роты по мѣрѣ установленія надобности въ томъ, при чемъ отправка каждой роты должна происходить *съ разрѣшенія каждый разъ* Исполнительнаго Комитета». (№ 43). При такихъ условіяхъ поставки пополненій нашимъ генераламъ предлагалось вести войну... Впрочемъ, Совѣтъ могъ сказать, что онъ сдѣлалъ шагъ впередъ: вѣдь до 16 апрѣля маршевыя роты на фронтъ вовсе не отправлялись, а онъ призналъ это «необходимымъ»...

Въ промежутокъ между двумя столь славными дѣлами занимались законодательствомъ. Существовалъ простой, но дѣйствительный, способъ внесенія смуты въ самую глубь арміи. Въ формѣ ли резолюціи или—что лучше—въ формѣ проекта помѣщался въ «Извѣстіяхъ» разработанный по параграфамъ уставъ. Гдѣ темной солдатской массѣ разобраться что проектъ, что законъ! Написано въ «Извѣстіяхъ», значитъ приказъ отъ новаго начальства вышелъ. Такъ именно и былъ понятъ напечатанный въ № 21 отъ 22 марта проектъ положенія о «комитетахъ». Этотъ «проектъ» солдатскими массами былъ понятъ, какъ законъ. А въ проектѣ въ § 6 говорилось: «Ротный комитетъ учреждается для контроля веденія хозяйства въ ротѣ, для связи черезъ полковой комитетъ съ Совѣтами р. и с. д., для подготовки выборовъ въ Учредительное Собраніе, *для принятія мѣръ* противъ злоупотребленій и превышенія власти со стороны должностныхъ лицъ роты, для рѣшенія *различныхъ вопросовъ*, касающихся

внутренняго быта роты». Въ примѣчаніи оговаривалось, что распоряженія, касающія «строевой, учебной, специальной и технической» части, «обсужденію въ ротныхъ комитетахъ не подлежатъ»... Но эта оговорка, понятно, серьезнаго значенія не имѣла. Ротные комитеты получили право «принятія мѣръ» противъ ротнаго начальства и значеніе офицеровъ, на три четверти подорванное приказомъ № 1, «проектомъ» совершенно сведено было къ нулю...

Для каждаго, сколько-нибудь знакомаго даже не съ военнымъ дѣломъ, а просто съ жизнью, съ психологіей людей и солдатскихъ массъ, ясно было съ перваго дня, къ чему все это приведетъ, какими ужасами должна неизбѣжно закончиться эта, на половину легкомысленная, наполовину преступная работа. Генералы обращали на это вниманіе. Военный министръ А. И. Гучковъ кричалъ, гдѣ только могъ. Циммервальдцы боялись, что крики предостереженія и голосъ благоразумія могутъ быть услышаны: они плохо знали русское интеллигентное общество! Они рѣшили принять свои мѣры: закрыть ротъ предостерегающимъ, обезглавить и лишить ихъ честнаго имени. Еще 1 апрѣля нашъ новый Верховный Главнокомандующій вдумчивый и осторожный ген. Алексѣевъ къ своему сообщенію изъ ставки прибавилъ оказавшіяся пророческими слова: «Рядъ перебѣжчиковъ показываетъ, что германцы и австрійцы надѣются, что различныя организаціи внутри Россіи, мѣшающія въ настоящее время работѣ Временнаго Правительства, внесутъ анархію въ страну и деморализуютъ русскую армію». «Надо прекратить!»—закричала задѣтая за самое больное мѣсто газета меньшевиковъ. Это «недопустимо и недостойно революціоннаго Временнаго Правительства. Мы хотимъ думать, что Временное Правительство непричастно къ этимъ контръ-революціоннымъ поползновеніямъ и что оно сумѣетъ ввести въ должныя границы «ставку», пытающуюся, какъ при царизмѣ, вмѣсто военныхъ операцій на фронтѣ заниматься контръ-революціонной политикой въ тылу» («Раб. Газ.» № 24). Меньшевикамъ пришли, конечно, на помощь «Извѣстія», выступившія противъ тѣхъ, которые «стараются возстановить прежніе порядки

въ арміи—якобы въ интересахъ усиленія военной мощи арміи». (№ 37).

Развращеніе воинскихъ частей шло во всю. Самыя дикія и преступныя резолюціи, подсовываемыя воинскимъ частямъ досужими молодцами, находили себѣ мѣсто на столбцахъ «Извѣстій», большею частью даже безъ всякихъ оговорокъ. Комитету Абосскаго флотскаго полуэкипажа вздумалось потребовать «немедленно отстранить Временное Правительство», «немедленно опубликовать всѣ тайные договоры», «покрыть заемъ свободы изъ монастырскихъ и церковныхъ капиталовъ и драгоцѣнностей», «потребовать немедленно возвращенія всѣхъ капиталовъ, вложенныхъ въ банки въ иностранныхъ государствахъ бывшимъ царскимъ домомъ», «потребовать немедленно же передачи всей земли въ распоряженіе крестьянскихъ комитетовъ» и «немедленно» «передачи всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ распоряженіе заводскихъ рабочихъ комитетовъ», «запретить травлю противъ Ленина», «потребовать» немедленно отъ Англіи пропуска русскихъ эмигрантовъ», «немедленно реквизировать типографіи всѣхъ буржуазныхъ газетъ для передачи ихъ «въ распоряженіе рабочихъ газетъ». «Извѣстія» сочли нужнымъ цѣликомъ напечатать абосскій преступный бредъ, почтительнѣйше сообщивъ «товарищамъ, что С. р. и с. д. стоитъ на платформѣ, которую ему предписано Всероссійское Совѣщаніе» и въ этой платформѣ «нѣтъ никакихъ постановленій относительно передачи фабрикъ и заводовъ» и т. д. (№ 52). Другія воинскія части читали, поучались и подражали. Надо ли удивляться, что въ концѣ іюня, когда А. Ф. Керенскій въ горячихъ рѣчахъ звалъ къ наступленію, а его товарищъ по партіи и кабинету В. М. Черновъ иронизировалъ надъ «штатскими крикунами», зовущими къ наступленію, и оправдывался по этому поводу въ совѣтѣ министровъ, когда «Извѣстія» все еще рѣшали философскій вопросъ, къ чему звать: къ наступленію или къ готовности къ наступленію, первый пулеметный полкъ, показавшій себя въ іюльскіе дни, принялъ такую резолюцію: «А товарищамъ, сидящимъ въ окопахъ и настоятельно требующимъ подкрѣпленія, первый пулеметный полкъ рѣшилъ вмѣсто пулеметовъ, по-

слать добрый совѣтъ: пусть они, солдаты на фронтѣ, требуютъ вмѣстѣ съ нами перехода власти въ руки народа, то тогда поддержки и пополненія на фронтѣ просить не придется, тогда она явится сама» («Правда» № 89). А еще въ апрѣлѣ тотъ же 1-й пулеметный полкъ писалъ «товарищамъ» «въ сырые окопы»: «ждите насъ... мы скоро пріѣдемъ подъ звуки не романовскаго гимна, а марсельезы» и т. д. Два мѣсяца лицемѣрной соціалистической пропаганды въ конецъ развратили эту, какъ и многія другія, части. Но соціалисты продолжали тщательно прикрывать плоды своей работы. «Наша военная мощь слабѣетъ и разлагается» говорилъ въ отчаяніи А. И. Гучковъ. Но на торжественномъ засѣданіи четырехъ Думъ г. Церетелли взялъ на себя неблагодарную задачу назвать черное бѣлымъ: «Вы говорите о томъ, что сѣется смута, сѣется дезорганизація въ рядахъ арміи... Мы не вѣримъ этимъ слухамъ... Если бы въ рядахъ арміи, дѣйствительно началось разложеніе... если бы это оказалось правдой, то надо надъ всей Россіей поставить крестъ. Къ счастью, это оказалось неправдой». (Изв.» № 53). Въ отвѣтъ на это «невѣріе» или на эту неправду артиллерійскій офицеръ соціалъ-демократъ Веселовскій прислалъ въ «Единство» открытое письмо г-ну Церетелли, гдѣ разсказалъ ему ужасную правду о развалѣ, вызванномъ въ арміи пропагандой. Веселовскій рѣшительно отрицалъ, что развалъ объясняется усталостью: дѣйствовала «молодежь, которая къ намъ пришла послѣ мартовскихъ боевъ 1916 г. или даже въ декабрѣ—стало быть, тѣ, кто еще ни въ одномъ бою и не былъ».

Эта молодежь ходила къ нѣмцамъ «брататься», напивалась у нихъ, выдавала имъ русскія военныя тайны, нападала на артиллеристовъ, мѣшавшихъ братанью.

«Извѣстія» вели общую философскую пропаганду мира, возстановленія интернаціонала. Они не проповѣдывали прямо братанья или бѣгства съ позицій, но элегически восклицали: «удивительно ли, что временами нервы не выдерживаютъ и хочется бросить къ чорту все и безъ оглядки бѣжать домой, къ родному уюту». (№ 51). Большевики—тѣ, дѣйствовали грубо. Бюро ихъ центральнаго комитета еще

въ началѣ марта предписало: «широкое и систематическое братанье солдатъ воюющихъ народовъ въ траншеяхъ». («Правда», № 5). Когда былъ изобличенъ провокаторъ Черномазовъ и прокатилась первая волна негодованія противъ большевиковъ, «Правда» струсила и попыталась сжульничать. Такъ, отвѣчая на упрекъ одной газеты, что она проповѣдуетъ «братанье съ рабами Вильгельма», «Правда» пыталась увѣрять, что большевики «всегда говорили, говорятъ и будутъ говорить о братаніи съ борющимися противъ всякихъ Гогенцоллерновъ соціалистами». (№ 11). Выходило, что сидѣвшіе въ германскихъ траншеяхъ солдаты не только были «соціалистами» (это похоже на правду), но и боролись «противъ всякихъ Гогенцоллерновъ», что очевидный вздоръ. Меньшевики и Совѣтъ р. и с. д. взяли «Правду» подъ свою защиту противъ «травли буржуазной печати», пріѣхалъ Ленинъ, встрѣченный по-царски и преступная работа разрушенія арміи развертывалось все шире и шире... «Даже къ Ленину—писалъ «Правдѣ» Мих. Лашевичъ съ минскаго фронтового съѣзда—первому, призывавшему къ братанію на фронтѣ не снилось того, что тамъ происходитъ. Намъ, участникамъ съѣзда, послѣ всего видѣннаго и слышаннаго тамъ, стало ясно, что мы неуклонно идемъ къ миру, заключенному самими народами». (№ 35). «Пара словъ объ одномъ изъ слугъ капитала, Плехановѣ—писала «Правда» съ неподдѣльнымъ непроизвольнымъ юморомъ (№ 43).—Жалко смотрѣть, до чего опустился этотъ бывшій соціалистъ! Онъ сопоставляетъ братанье съ измѣной!!». Небезъизвѣстный по іюльскимъ днямъ кронштадтскій мичманъ Раскольниковъ торжествующе заявлялъ: «Противоборствующіе братанію генералы рискуютъ остаться со своими штабами, но безъ арміи»...

Меньшевики, конечно, не могли «опуститься» до Плеханова. Руководимые Церетелли и Чхеидзе они не сопоставляли братанія съ измѣной. 12 апрѣля, готовясь къ первомайскому празднику и подгоняемая большевиками «Рабочая Газета» предложила: «Русскіе солдаты должны взять на себя починъ. Они должны на всѣхъ участкахъ фронта тѣмъ или инымъ путемъ дѣлать предложенія своимъ брать-

ямъ-врагамъ, сидящимъ по ту сторону проволочныхъ заграждений, день перваго мая сдѣлать днемъ перваго революціоннаго перемирія». (№ 29). 14 апрѣля «Рабочая Газета» писала: «А вотъ и другая телеграмма изъ Минска: «Сообщаютъ, что въ послѣдніе дни на многихъ участкахъ фронта противники не обмѣнялись ни единымъ выстрѣломъ. Нѣмцы ждутъ сообщеній о фронтовомъ съѣздѣ и даже высылали делегатовъ. Съ аэроплана сброшены сообщенія, что въ Германіи народное движеніе, требующее прекращенія войны». Не правда ли—умилялись меньшевики—какъ глубоко волнуютъ эти сухія телеграфныя строки!», сообщавшія—добавимъ—ложь о германскомъ народномъ движеніи. 15 апрѣля «Рабочая Газета» въ письмѣ изъ Минска сообщала уже правду: «Поѣзда съ эшелонами войскъ, передвигаемыхъ по фронту, идутъ подъ красными флагами съ надписями на нихъ долой захватную политику! Да здравствуетъ братство народовъ! Призывъ этотъ все болѣе и болѣе объединяетъ армію». Русскіе солдаты «взяли на себя починъ».

Уже въ первые дни русской революціи въ соціалистическихъ листкахъ была напечатана завѣдомо лживая телеграмма о революціи въ Берлинѣ. И позднѣе неоднократно слухи о германской революціи пускались въ ходъ, когда циммервальдцамъ надо было подкрѣпить надежду на заключеніе скораго мира народами помимо правительства.

Послѣ 14 марта, когда послѣдовало обращеніе Совѣта раб. и солд. деп., «къ народамъ всего міра» съ предложеніемъ низвергнуть монархіи и заключить миръ, стало ясно, на чемъ строится вся эта политика. Двѣ лжи должны были, какъ несокрушимые столбы, подпирать вѣру разлагаемой и разрушаемой русской арміи въ то, что Совѣтъ и только Совѣтъ дастъ ей скорый желанный миръ. Первая ложь: могущественное воздѣйствіе воззванія съ циммервальдскими лозунгами на весь міръ. Вторая ложь: могущество русской «революціонной арміи», которая сокрушитъ полчища австро-германскихъ тирановъ, если ея мирныя предложенія не будутъ уважены. Въ рѣчи, сказанной Н. С. Чхеидзе 14 марта въ Совѣтѣ, уже содержатся обѣ эти лжи: «Прежде чѣмъ говорить о мирѣ,

мы предлагаемъ нѣмцамъ подражать намъ и свергнуть Вильгельма, ввергшаго народъ въ войну, точно также, какъ мы свергнули наше самодержавіе. Если нѣмцы не обратятъ на нашъ призывъ вниманія, то мы будемъ бороться до послѣдней капли крови» («Извѣстія» № 16). А передовая статья того же № «Извѣстій» поясняла: «Если порабощенная Россія смогла удержать натискъ германскихъ полчищъ, то свободная Россія, конечно, сумѣетъ дать имъ еще болѣе сильный отпоръ».

Начинаются попытки убѣдить солдатъ и народъ, что нѣмцы «обратили вниманіе на нашъ призывъ». Тутъ работаютъ всѣ: и большевики, и меньшевики, но «Извѣстія» самого Совѣта усердствуютъ, пожалуй, больше всѣхъ. Къ великой ихъ радости, скоро послѣ воззванія къ народамъ всего міра изъ Германіи прилетѣла «первая ласточка»: извѣстіе, что всѣ германскіе соціалъ-демократы голосовали противъ военнаго бюджета. Десятки, а можетъ быть и сотни, ликующихъ статей помѣстили по этому поводу вліятельныя соціалистическія газеты и ни единаго слова не сказали онѣ, когда выяснилось, что ничего подобнаго не было, что извѣстіе основано на «недоразумѣніи», что огромное большинство соціалъ-демократовъ вотировало по старому за военные кредиты, отвергнувъ лишь, опять-таки по старому, новые военные налоги. Исходя изъ несуществующихъ фактовъ, скрывая отъ читателей правду, офиціальныя «Извѣстія» Совѣта 29 марта (№ 27) написали такія чудовищныя строки: «Буржуазныя газеты не перестаютъ твердить объ опасности, угрожающей Россіи со стороны Германіи и приписываютъ военныя неудачи нашимъ внутреннимъ настроеніямъ... Солдатъ хотятъ убѣдить въ томъ, что необходимо продолжать войну»... А черезъ двѣ недѣли офиціозъ опять славословилъ какіе-то колоссальные успѣхи, достигнутые въ столь короткое время воззваніемъ Совѣта къ народамъ всего міра»—(№ 49). Эти «успѣхи» скоро привели къ прорыву нашего фронта.

Эта двойная ложь о моральной и физической мощи русской революціи не могла не дѣйствовать даже на людей, которымъ, казалось, видна правда. Слишкомъ ужъ хотѣлось

вѣрить! И вотъ 12 апрѣля А. Ф. Керенскій, еще министръ юстиціи, принимая въ качествѣ «единственнаго представителя демократіи въ министерствѣ» делегатовъ 7-ой арміи, вскорѣ ставшей искупительной жертвой, говоритъ имъ: «Временное правительство обладаетъ всей полнотой власти... Можетъ быть, васъ смущаетъ шумная агитація, извѣстныя слова, которыя представляютъ здѣсь злобу дня, но насъ, Временное Правительство, они не смущаютъ. Мы вѣримъ въ разумъ, въ твердую волю народа—идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели. Мы вѣримъ, что восторжествуютъ созидательныя начала, а не отдѣльные партійные лозунги... Мы вѣрили, что народъ, сдѣлавшись хозяиномъ, будетъ работать самъ въ пониманіи государственныхъ нуждъ. Наша вѣра не обманула насъ... Мы достигнемъ всего, если сумѣемъ дать отпоръ единственной опасности, которая существуетъ—дать отпоръ тѣмъ, кто захочетъ протянуть руку извнѣ и оттуда помочь притаившейся реакціи, кто захочетъ, разбивъ фронтъ, разбить свободу... Пусть не думаютъ, что свободная Россія—значитъ распадъ, что демократія—значитъ анархія. Кто такъ думаетъ, тотъ ошибается и уже ошибся... Ни одинъ солдатъ, ни одинъ матросъ ни въ одномъ государствѣ не имѣетъ тѣхъ правъ, которыя имѣете вы. Но большія права налагаютъ и большія обязанности... У меня нѣтъ сомнѣнія, что вы эти обязанности, свой долгъ передъ государствомъ и демократіей исполните. Я вѣрю въ разумъ народа. Въ народныхъ массахъ неисчерпаемый кладезь государственной мудрости и творческой силы. Свободный народъ подниметъ уваженіе къ человѣческой личности и къ труду на недосягаемую высоту» («Извѣстія» № 40).

Прошло двѣ недѣли и отъ этого оптимизма, нѣсколько казеннаго, не осталось и слѣда. На одномъ изъ многочисленныхъ военныхъ съѣздовъ, 29 апрѣля, изъ устъ А. Ф. Керенскаго вылился потрясающій вопль: «Товарищи, вы умѣли 10 лѣтъ терпѣть и молчать. Вы умѣли исполнять обязанности, которыя налагала на васъ старая ненавистная власть. Почему же у васъ теперь нѣтъ терпѣнія? Неужели русское свобод-

ное государство есть государство взбунтовавшихся рабовъ?.. Я жалѣю, что не умеръ тогда, два мѣсяца назадъ; я умеръ бы съ великой мечтой, что разъ на всегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки взаимно уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ имъ управляли прежніе деспоты». Эту рѣчь вы напрасно стали бы искать въ «Извѣстіяхъ». Тамъ, равно какъ и въ другихъ соціалистическихъ газетахъ, ея нѣтъ. Я процитировалъ ее изъ № «Рѣчи» отъ 30 апрѣля 1917 года.

Тѣмъ не менѣе, когда послѣ отставки А. И. Гучкова, А. Ф. Керенскій занялъ постъ военнаго министра, онъ подписалъ составленную сторонниками «новой дисциплины» декларацію правъ солдата, дѣлавшую нашу армію «самой свободной въ мірѣ», а въ сущности почти отмѣнявшую всякую дисциплину, неизбѣжно покоющуюся на принудительномъ началѣ и на іерархіи повиновенія и исполненія приказовъ начальства. Вѣрилъ ли г. Керенскій тогда въ то, что подписывалъ, или въ душѣ считалъ декларацію нежизнеспособной?

Большевики поспѣшили выступить въ походъ и противъ этой деклараціи правъ солдата. Было объявлено, по трафарету, что декларація — произведеніе контръ-революціоннаго офицерства и несетъ солдату не свободу, а возстанавливаетъ царское рабство, палочную дисциплину. По своему обыкновенію г.г. Зиновьевъ и Ленинъ привлекли къ своей агитаціи и воинскія части, выносившія возмутительно-преступныя резолюціи противъ военнаго министра и изданнаго имъ приказа. Совѣтъ р. и с. д. опять таки по обыкновенію, не препятствовалъ этой агитаціи противъ «деклараціи безправія солдата». Онъ готовился играть свою обычную роль умиротворителя, успокоителя, берущаго среднюю линію между революціонными и консервативными «крайностями». На всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ р. и с. д. вопросъ о деклараціи былъ подвергнутъ обсужденію. Докладчикомъ выступилъ нѣкто г. Венгеровъ. Онъ взялъ «умѣренный тонъ». Онъ призналъ, что приказъ Керенскаго «далъ прочную основу для демократизаціи арміи», но въ немъ есть «ошибки», «несоотвѣтству-

юція демократіи ограниченія». Необходимо поэтому уничтожить «ограниченіе свободы внѣслужебнымъ временемъ». 14-ый пунктъ, говорящій, что «въ боевой обстановкѣ» (замѣтьте!) начальникъ имѣетъ право принимать всѣ мѣры вплоть до примѣненія зооруженной силы, предлагалось исключить подъ тѣмъ іезуитскимъ предлогомъ, что «во всякомъ случаѣ не мѣсто такому утвержденію въ деклараціи правъ солдата, потому, что оно нарушаетъ здѣсь основной тонъ въ положеніяхъ о правахъ солдатъ». Въ § 18 должно быть включено, что «органамъ солдатскаго самоуправленія предоставляется право отвода и аттестаціи начальствующихъ лицъ, а также право участія въ управленіи арміей». Установленное приказомъ правило о добровольномъ взаимномъ привѣтствіи подлежитъ отмѣнѣ. Чуть ли не единственное, сохраненное деклараціей А. Ф. Керенскаго, наказаніе «строгій арестъ» должно быть отмѣнено и т. д. и т. д. Конечно, большевики возражали и противъ деклараціи съ такими поправками. Но ихъ поправки съѣздъ отклонилъ и поручилъ своему Центр. Исполнительному Комитету положить венгеровскіе тезисы въ основу дальнѣйшей ихъ разработки (№ 104).

Въ это время А. Ф. Керенскій сотворилъ свое, дѣйствительно, чудо. Онъ влилъ въ армію огромное число офицеровъ, не на словахъ, а на дѣлѣ готовыхъ положить—и положившихъ—свои головы за отечество. Къ нимъ на помощь пришли самоотверженные отряды ударныхъ батальоновъ, добровольцевъ, въ томъ числѣ и женщинъ, и немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ «демократическаго развала» частей. Пламенныя рѣчи министра и его ближайшихъ помощниковъ разбудили кое въ комъ дремавшую совѣсть, создали настроеніе. Началось наступленіе. Первые удачные шаги окрылили разлагавшіяся войска, вдохнули въ ихъ вождей слабую надежду.

Подвигомъ Керенскаго и ударныхъ батальоновъ тамъ, въ далекомъ тылу, рѣшили воспользоваться циммервальдцы, успѣвшіе уже убѣдиться, что ихъ воззваніе къ народамъ не дало міру мира и не низвергло Вильгельма. Какъ раньше въ «братаніи» и «немедленномъ перемиріи», такъ и теперь въ наступленіи они (за исключеніемъ впрочемъ большевиковъ

и небольшой части меньшевиковъ—интернаціоналистовъ, оказавшихся честнѣе) увидѣли торжество своихъ началъ, своей программы.

«Товарищи, — говорилъ 19 іюня на Всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ р. и с. д. г. Церетелли. Наша революціонная армія перешла въ наступленіе (рукопл.). Она показала всему міру, что демократическія начала, укрѣпленныя русской революціей, не ослабили, а укрѣпили мощь арміи. Она показала, т.т., всему міру, что демократическіе идеалы во внутренней и внѣшней политикѣ не только не деморализовали армію, какъ это пытались утверждать враги революціи, но что это воодушевленіе усилило боеспособность арміи». А передовики «Извѣстій», подражая лживой офиціальной реторикѣ казенныхъ бардовъ царскаго самодержавія, гремѣли: «Армія доказала, что революціонное сознаніе даетъ ея рядамъ ту сплоченность и силу, которой не могла дать ей палочная дисциплина стараго строя».

Но чудесъ на нашей грѣшной землѣ не бываетъ. Экстатическій нервный подъемъ упалъ такъ же быстро, какъ и вспыхнулъ. Офицеры, столь травимые соціалистами, ударники и добровольцы, наиболѣе мужественные, честные и патріотическіе солдаты, шедшіе впереди, были скоро выведены изъ строя. Огромная солдатская масса, не связанная дисциплиной, отравленная своеволіемъ, отданная по старому во власть большевистской и циммервальдской агитаціи, искушавшей духъ близостью мира («къ чему мертвому земля и воля»!), не пошла за вождями, звавшими на подвигъ, а не на безчинство. Цѣлые полки измѣняли, самовольно бросали позиціи, стрѣляли по своимъ, позорно бѣжали предъ ничтожными непріятельскими отрядами. Эта могучая «революціонная армія» съ ея «новой» «демократической дисциплиной» вмѣсто боя съ врагомъ бросилась въ тылъ на мирныхъ жителей и ознаменовала себя такими погромами, грабежами, убійствами, насиліями, которыхъ не знала старая армія съ ея «палочной дисциплиной». Калушъ, Тарнополь, Станиславовъ! Что передъ этими ужасами, когда озвѣрѣвшіе пьяные русскіе солдаты насиловали дѣтей и младенцевъ и рвали

ихъ на части, звѣрство и гнусность кишиневскихъ, бѣлостокскихъ или сѣдлецкихъ погромщиковъ!.. [1]).

Но миръ дали намъ циммервальдцы, а позоръ пораженія, гибель лучшихъ нашихъ воиновъ, потерю полумилліона десятинъ плодороднѣйшей родной земли, переходъ въ руки непріятеля воинскаго снаряженія болѣе, чѣмъ на два милліарда рублей...

Но не народъ русскій виноватъ въ томъ, что свершилось. Каждая армія, если въ ней разрушить дисциплину, превращается въ толпу разнузданныхъ звѣрей, опасныхъ исключительно мирному населенію. Если бы правители Англіи, Франціи, Германіи, по безумію, преступному легкомыслію или предательству, дозволили бы циммервальдцамъ своихъ странъ въ теченіе мѣсяцевъ продѣлывать надъ ихъ арміями то, что продѣлывалось у насъ, если бы они во время войны ввели у себя эту «новую дисциплину», англійскіе, французскіе, германскіе солдаты, несмотря на всю ихъ культурность, имѣли бы свой Калущъ, свой Тарнополь! Есть законы человѣческой души и коллективной психологіи и кто стоитъ во главѣ народа, долженъ ихъ знать и съ ними считаться. Бѣдствіями, страшнѣе казней египетскихъ, платится народъ, во главѣ котораго въ тяжелую годину

---

[1]) Мать комиссара Б. Савинкова передаетъ въ „Рѣчи“ свой разговоръ съ сыномъ бывшимъ „смертникомъ“, о ведденіи имъ смертной казни: „Позже, потомъ, когда съ поникшей головой слушала я скорбную повѣсть о Калущѣ... Когда душа замирала отъ ужаса при разсказѣ, какъ всенародно, на глазахъ всѣхъ, тутъ же на улицахъ, дикая орда тѣшилась, насилуя„ старыхъ и малыхъ, когда одинъ за другимъ непрерывной цѣпью утоляла она дикіе инстикты надъ уже мертвымъ дѣтскимъ трупикомъ, съ хохотомъ и визгомъ указывая на бившуюся тутъ же въ истерикѣ и тоже насилуемую мать... когда однимъ взмахомъ сносили черепъ каждому, осмѣлившемуся протестовать... когда посылали не врагамъ, а своимъ героямъ въ спину предательскія пули... когда съ улюлюканьемъ и ухарскимъ свистомъ подняли на штыки командира, пытавшагося остановить позорное бѣгство,—я поняла! поняла!.. И какой легкой показалась мнѣ послѣ этихъ, утонченныхъ казней казнь отъ пули!

И тогда съ погасшимъ взоромъ, блѣдный, съ трудомъ выдавливая изъ горла слова, съ тяжкимъ вздохмъ, онъ тихо произнесъ: „Вѣрь— иного выхода не было!“. — низко склонила передъ нимъ свою старую голову и сердце эхомъ отозвалось: вѣрю!“. (№ 183).

оказываются въ лучшемъ случаѣ политическіе младенцы съ государственнымъ багажемъ изъ двухъ-трехъ отвлеченныхъ идеекъ изъ грошевыхъ соціалистическихъ брошюръ...

И тѣ самые мѣднолобые «вожди», которые недавно вычеркивали изъ наказаній «строгій арестъ», протестовали противъ примѣненія «въ боевой обстановкѣ» вооруженной силы, должны были теперь санкціонировать смертныя казни, массовые разстрѣлы, запрещенія митинговъ и собраній, закрытія газетъ. Рѣками крови заплатилъ несчастный народъ за всѣ эти рѣчи о «новой дисциплинѣ». Но русскіе офицеры, ударные батальоны, добровольцы, отдѣльныя мужественныя, патріотическія воинскія части, а въ особенности казачьи войска, спасли честь русскаго имени. Не такъ душатъ кровь и ужасы Калуща, когда вспомнишь, что у насъ были и есть еще эти герои, дѣйствительно доказавшіе, что и Россія способна къ настоящему, не циммервальдскому, а государственному демократизму. И А. Ф. Керенскій вѣрно выразилъ самое глубокое чувство русскаго гражданина, когда обратился къ казакамъ со своимъ приказомъ: «Казаки! въ тяжелые дни, которые переживаетъ теперь Россія, вы передъ лицомъ всего міра являете примѣръ безпредѣльной любви къ своей родинѣ и глубокой преданности идеаламъ свободы и демократіи... На фронтѣ вы не запятнали себя позоромъ измѣны; съ беззавѣтной храбростью сражаясь съ врагомъ, вы увлекали своимъ живымъ примѣромъ всѣхъ малодушныхъ, удерживали трусовъ и клеймили своимъ негодованіемъ подлыхъ предателей».

Изъ рода въ родъ будутъ проклинать русскіе люди тѣхъ циммервальдцевъ, по предательству или преступному легкомыслію которыхъ Россіи пришлось пережить эти «тяжелые дни»...

III.

Разрушеніе государственности.

Краеугольный камень Циммервальда—прекращеніе внутренняго классового мира и замѣна войны внѣшней войной гражданской, междоусобной. Въ Россіи циммервальдцамъ

удалось съ такой полнотой осуществить это заданіе, какъ никогда не снилось самымъ «лѣвымъ» изъ нихъ, т.-е. Ганецкому, Крадеку, Ленину и Зиновьеву.

Основной догмой соціалъ-демократовъ считалось, что предстоящая въ Россіи революція будетъ «буржуазной», а потому переходъ власти въ руки соціалистовъ ими отвергался. На этомъ твердо стояли меньшевики, болѣе другихъ соціалистовъ оставшіеся вѣрными своему ученію. Идейное руководство въ революціи принадлежало имъ, въ началѣ революціи безраздѣльно. Физическую силу поставляли другія группы, болѣе приспособленныя къ демагогіи, чѣмъ инородческіе теоретики, воспитанные въ строгой школѣ нѣмецкаго марксизма, плохо понимающіе психологію русскаго человѣка. столь склоннаго къ анархизму...

Отказавшись отъ вступленія въ министерство, соціалъ-демократы сохранили за собой черезъ Совѣтъ раб. и солд. д. всю власть, возможность вмѣшиваться во всякія дѣйствія правительства и заставлять его дѣлать все, что имъ будетъ угодно. Разложивъ армію приказомъ № 1, который былъ понятъ, какъ приказъ смѣнять офицеровъ, замѣщать ихъ выборными и подчинять строгому контролю комитетовъ, Совѣтъ закрѣпилъ свою власть взятымъ съ правительства обязательствомъ не выводить изъ Петрограда воинскія части. Основная ошибка перваго временнаго правительства и сводилась къ согласію на эту мѣру. Быть можетъ, иного выхода не было, но, согласившись на это гибельное условіе, правительство связало себя по рукамъ и по ногамъ. Практически вполнѣ соблюдать его было немыслимо, такъ какъ передвиженіе войскъ вызывалось необходимостью: въ столицѣ не могли всѣ размѣститься. Эта практическая необходимость повела только къ выявленію преобладанія Совѣта надъ правительствомъ. 8 марта солдатская часть Совѣта постановила, что «выводить воинскія части можно съ мѣста своего прежняго расположенія въ окрестностяхъ Петрограда по постановленію воен. министра, *скрѣпленному* Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта раб. и солд. депутатовъ» (№ 10).

На слѣдующій же день Совѣтъ далъ правительству весьма серьезно почувствовать свою силу. До Совѣта дошли

слухи о намѣреніи правительства переправить бывшаго царя съ семьей въ Англію въ виду возможности террористическихъ или контръ-революціонныхъ попытокъ. Какъ заявлялъ въ Совѣтѣ Н. Д. Соколовъ, (впослѣдствіи сенаторъ «мы мобилизовали всѣ находящіяся подъ нашимъ вліяніемъ воинскія части и поставили вопросъ фактически такъ, чтобы Николай II не могъ уѣхать изъ Царскаго безъ нашего согласія; мы послали телеграммы по всѣмъ жел. дорогамъ, что всякая ж. д. организація, всякій начальникъ станціи, всякая группа ж. д. рабочихъ обязаны задержать поѣздъ съ Николаемъ II, гдѣ и когда бы онъ ни оказался». Правительству было показано, что ни войска, ни желѣзныя дороги ему не повинуются и, какъ не безъ самодовольства заявлялъ будущій сенаторъ, «правительство, которое сначала нѣкоторое время колебалось, затѣмъ вынуждено было санкціонировать все, что мы сдѣлали» (№ 13). А для «воздѣйствія на правительство и непрерывнаго контроля» избрана была «делегація» («контактная комиссія») изъ товарищей Скобелева, Стеклова (Нахамкеса), Суханова (Гиммера), Филипповскаго и Чхеидзе. Г. Стекловъ со свойственнымъ ему тактомъ указалъ по этому поводу «на тотъ фактъ, что Совѣтъ не вступилъ во Временное Правительство, а желаетъ путемъ постояннаго организованнаго давленія заставлять его осуществлять тѣ или иныя требованія».

Такъ установилось то знаменитое «двоевластіе», которое послѣдовательно разрушило одинъ за другимъ всѣ органы внутренняго управленія и сдѣлало администрацію, судъ, податное управленіе посмѣшищемъ въ глазахъ населенія и жалкими игрушками въ рукахъ «товарищей». Подъ бокомъ у столицы возникли «республики» въ Кронштадтѣ, Шлиссельбургѣ, Свеаборгѣ. Въ Кирсановѣ обосновались получерносотенные демагоги, въ Царицынѣ—большевики илліодоровскаго толка. Возникавшіе повсемѣстно комитеты дѣлали все, что хотѣли, издавали какіе имъ нравилось законы, захватывали чужую собственность, насильничали, преслѣдовали всякое свободное слово, открыто издѣваясь надъ правительственными комиссарами, находя себѣ крѣпкихъ укрывателей, защитниковъ и сообщниковъ въ «Совѣтахъ».

Городскіе выборы происходили въ атмосферѣ террора (Егорьевскія убійства), насилій и давленія, неизвѣстныхъ и царскому режиму. Сама столица давала населенію спектакли въ родѣ захвата и ограбленія дворца герц. Лейхтенбергскаго, дачи Кшесинской, Дурново, типографіи «Русской Воли» и «Нов. Времени» и т. д. и т. д. Ежедневно Совѣтъ демонстрировалъ предметными уроками съ одной стороны безсиліе правительства, а съ другой свой «моральный авторитетъ» надъ «товарищами анархистами» и прочими захватчиками, которые, поторговавшись и награбивъ сколько могли во время переговоровъ, въ концѣ концовъ великодушно соглашались съ доводами членовъ Исполнительнаго Комитета и очищали захваченныя помѣщенія...

Къ несчастью, среди членовъ Врем. Правительства не оказалось, кромѣ Милюкова и Гучкова, мужественныхъ людей, которые бы громко заявили о создавшемся изъ-за двоевластія невозможномъ положеніи и разоблачили бы лицемѣрно скрываемое хищеніе государственной власти. Двоевластіе, какъ ménage en trois, какъ «секретная болѣзнь», считалось домашней тайной и несчастьемъ, которыя надо скрывать, хотя бы для видимости, отъ всѣхъ непосвященныхъ. И больше всѣхъ грѣха на душу въ этомъ отношеніи взялъ на себя бывшій членъ партіи Народной Свободы Н. В. Некрасовъ, упорнѣе другихъ отрицавшій «двоевластіе», когда о немъ уже начала кричать вся взволнованная Россія. Впослѣдствіи, 22 іюля на памятномъ совѣщаніи представителей партій въ Зимнемъ Дворцѣ Н. В. Некрасовъ покаялся въ своемъ грѣхѣ и сказалъ Совѣту: или возьмите власть въ свои руки или не мѣшайте другимъ... И А. Ф. Керенскій за двѣ недѣли до своего горькаго признанія въ отсутствіи у него прежней увѣренности, что «передъ нами не взбунтовавшіеся рабы, а сознательные граждане», позволилъ себѣ неосторожно заявить: «Между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ р. и с. д. полное единеніе въ задачахъ и цѣляхъ... Врем. Правительство обладаетъ всей полнотой власти» («Изв.» № 40). Онъ забылъ, очевидно, что почти наканунѣ самъ по должности министра юстиціи получилъ отъ Совѣта строжайшій выговоръ за то, что «подъ

личнымъ своимъ наблюденіемъ» отпустилъ на поруки ген. Иванова со взятіемъ подписки о невыѣздѣ. «Такія дѣла— поучала редакція «Извѣстій» министра юстиціи—не должны рѣшаться по домашнему. Правительство прежде, чѣмъ освобождать ген. Иванова, обязано было во всякомъ случаѣ довести объ этомъ до свѣдѣнія Исп. Комит. Сов. раб. и солд. деп.» (№ 24). За министромъ юстиціи, генералъ-прокуроромъ отрицалось право, принадлежащее по закону любому провинціальному товарищу прокурора, а г. Керенскій рѣшался говорить о «всей полнотѣ власти». Такъ въ свое время, когда въ первой Гос. Думѣ кн. Урусовъ говорилъ о закулисныхъ вліяніяхъ на правительство и о тайныхъ призракахъ, царскій слуга Столыпинъ спѣшилъ увѣрить, что онъ пользуется всей полнотой власти...

Толки о двоевластіи тревожили Россію и фронтовыя части. Это нервировало совѣтскихъ заправилъ, объявившихъ всякіе разговоры о двоевластіи «интригой своекорыстныхъ буржуазныхъ круговъ». Церетелли успокаивалъ «всероссійское совѣщаніе совѣтовъ» тѣмъ, что круги говорящіе о двоевластіи «неотвѣтственны». Они не понимаютъ, что въ Россіи теперь мыслимъ «единственый видъ порядка—порядокъ революціонный», но «отвѣтственный органъ буржуазіи Временное Правительство стоитъ на этомъ пути». Одинъ изъ многочисленныхъ меньшевистскихъ Тартюфовъ г. Данъ заявилъ на томъ же совѣщаніи: «Мы хотѣли, чтобы было сказано ясно и опредѣленно, что въ обычномъ нормальномъ теченіи своемъ это клевета, будто С. р. и с. д. хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотѣли, чтобы было сказано ясно, что власть эта—Временное Правительство, а революціонная демократія въ лицѣ Совѣта осуществляетъ свое вліяніе на ходъ политической жизни и дѣятельности Правительства путемъ непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля надъ нимъ» (№ 35, 8 апрѣля). Съ радостью «Извѣстія» печатаютъ протестъ солдатъ, заявляющихъ, что «мы, солдаты, природные политики, тонко разбираемся въ подобнаго рода статьяхъ и сумѣемъ заставить буржуазный кличъ замолчать, а Совѣтъ р. и с. д. силой отстоять». Эти «природ-

ные политики» протестуютъ противъ статьи, авторъ которой, «прикрываясь маской благодѣтеля какого-то миніатюрнаго большинства, не хочетъ сказать правды, что у насъ нѣтъ двоевластія, а есть Временное Правительство, созданное стихійной силой народа и эта сила есть Совѣтъ р. и. с. д.» (№ 37).

Но послѣ 21 апрѣля, когда Совѣтъ руками Федора Линде провелъ правительство подъ игомъ и создалъ обстановку для удаленія П. Н. Милюкова, онъ уже перестаетъ стѣсняться и заявляетъ: «Каждый шагъ и во внутренней и во внѣшней политикѣ, если онъ затрагиваетъ существенные интересы страны, долженъ быть дѣломъ двухъ органовъ—Временнаго Правительства и Исполнительнаго Комитета Совѣта р. и с. д. Таковы уроки пережитаго кризиса» (№ 50). А когда соціалисты вошли въ министерство, можно было уже отбросить всякія стѣсненія въ словахъ и позволить себѣ роскошь сказать полную правду. 2 іюня черезъ семь недѣль послѣ лицемѣрной рѣчи г. Дана его соредакторъ г. Войтинскій откровенно призналъ: «До образованія коалиціоннаго правительства мы поддерживали Правительство 1-го состава условно «постольку—поскольку». У насъ не было полнаго довѣрія и фактически получалось такъ, что единой власти не было. Между тѣмъ, необходимость въ твердой, единой власти ощущалась всей Россіей... Экономическая и военная разруха, анархическія вспышки во многихъ мѣстахъ, все вело страну къ разложенію, вело къ распаду» (№ 82). Признано было такимъ образомъ, не только «двоевластіе», но и то, что оно вело страну «къ распаду», чего и требовала циммервальдская программа...

«Давленіе» и «контроль» Совѣта простирались на всѣ «кадетскія министерства, вызывались самыми разнообразными причинами и давали различные результаты. Чрезвычайно ожесточенный натискъ на минстра нар. просвѣщенія А. А. Мануилова производился при содѣйствіи особаго «государственнаго комитета» по народному образованію. Большую роль въ этихъ нападкахъ играло нежеланіе министра упразднить директоровъ и инспекторовъ нар. училищъ т. е. отка-

заться отъ всякаго вліянія на ходъ учебнаго дѣла въ провинціи, равно какъ и нежеланіемъ А. А. Мануилова по первому требованію гнать каждаго чиновника, на котораго ему только укажутъ, какъ на контръ-революціонера. Люди удивительно быстро превращаются въ насильниковъ и хотятъ продѣлывать надъ другими то, что еще такъ недавно продѣлывалось надъ ними.

Совѣтскій походъ противъ А. А. Мануилова оставилъ по себѣ любопытный памятникъ, который часто будетъ цитироваться, какъ образчикъ безпардоннаго невѣжества нашей такъ называемой «революціонной демократіи». Рѣчь идетъ о своеобразной программѣ народнаго образованія (?!), опубликованной въ № 44 «Извѣстій» въ формѣ цѣлаго ряда язвительныхъ вопросовъ министру. «Будутъ ли по прежнему на юридическомъ факультетѣ долбить римское право и другія отжившія дисциплины,? (о, двойка на экзаменѣ—это ты!) «Для чего проходится въ гимназіи въ такихъ обширныхъ (?) размѣрахъ и такъ нелѣпо алгебра; которая 90% всѣхъ учащихся по выходѣ изъ школы забывается и никогда не примѣняется?» «Во избѣжаніе многопредметности не будетъ ли раціональнымъ въ нѣсколько разъ сократить обязательный курсъ древней исторіи?» (авторъ, очевидно, думаетъ, что тогда станетъ нѣсколькими «предметами» меньше...). Вѣроятно, во избѣжаніе той же «многопредметности» авторъ на ряду съ урѣзываніемъ алгебры и древней исторіи (нѣтъ ли и тутъ воспоминаній о двойкѣ?) настаиваетъ, чтобы средняя школа перестала «выпускать людей, не знающихъ русской и иностранной литературы или органически не переносящихъ художественную литературу (?!), чтобы ученики этой школы «дѣйствительно владѣли новыми языками», чтобы въ ней преподавались исторія общественной мысли, политическая экономія, экономическая географія и статистика, русскій, литература, ариѳметика и геометрія, «преподаваемыя по совершенно новымъ методамъ», гигіена, природовѣдѣніе, логика, психологія, бухгалтерія, счетоводство, товаровѣдѣніе и всѣ ремесла, такъ чтобы «каждый оканчивающій школу зналъ въ совершенствѣ не менѣе двухъ»...

Могъ ли подобныхъ ученыхъ гимназистовъ и столь требовательныхъ педагоговъ удовлетворить скромный «кадетскій» министръ?...

Много вниманія удѣлялось Совѣтомъ и работѣ министра земледѣлія А. И. Шингарева, противъ котораго совѣтскій ставленникъ Громанъ велъ неприличнѣйшую кампанію. Когда одинъ изъ совѣтскихъ подвоховъ увѣнчался успѣхомъ, «Извѣстія» сдѣлали горделивое заявленіе, которое имъ еще неоднократно будетъ припоминать голодающее населеніе: «Теперь за продовольственное дѣло взялся Совѣтъ р. и с. д. Хлѣбъ въ деревнѣ есть, крестьяне отдадутъ его безъ спора, только подойти надо не такъ, какъ хотѣлъ подойти министръ земледѣлія» (№ 51). Черезъ недѣлю послѣ этого постъ министра земледѣлія былъ отнятъ у «кадета» Шингарева и раздѣленъ между «своими»: портфель земледѣлія достался В. М. Чернову, продовольствія—А. В. Пѣшехонову. Гдѣ хлѣбъ г.г. депутаты? Дали его вамъ крестьяне, г. Громанъ? А «продовольственные комитеты» обойдутся странѣ въ 500 милл. рублей, земельные—въ 150 милл. рублей.

Самыя ожесточенныя свои аттаки Совѣтъ направлялъ на министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Отчасти объяснялось это тѣмъ, что Гучковъ и Милюковъ были наиболѣе крупными фигурами въ кабинетѣ, наиболѣе упорно сопротивлявшимися натиску соціалистовъ. Но главное было, конечно, въ существѣ. Владычество надъ арміей означало обладаніе физической военной силой и цѣнность его Совѣтъ отлично понималъ. Захватъ, (лучше не прямой, а черезъ посредство «давленія» на какого-нибудь безвольнаго несвѣдущаго «буржуазнаго» министра), захватъ въ свои руки иностранной политики былъ для Совѣта вопросомъ жизни и смерти. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ походѣ на Милюкова меньшевики шли впереди большевиковъ, обнаруживая и бóльшую ярость и бóльшую настойчивость. Меньшевики, какъ научно-образованные марксисты, отлично понимали, что революцію 1917 года въ соціалистическую не превратишь, что соціализмомъ можно только погубить и революцію политическую, принявшую неожиданно для всѣхъ такіе грандіозные размѣры и перебросившую страну отъ

абсолютизма къ республикѣ. Что же дать массамъ, чтобы привязать ихъ къ новому строю? Мы дадимъ имъ миръ— рѣшили меньшевики и это стремленіе дать странѣ миръ во что бы то ни стало сдѣлалось основнымъ мотивомъ ихъ дѣятельности. Что касается большевиковъ, то тѣ изъ нихъ, которые не были простыми германскими агентами, на агитацію въ пользу мира смотрѣли, въ противоположность меньшевикамъ, лишь какъ на средство разогрѣть и вызвать внутреннюю смуту, если не для соціалистическаго переворота (кое-кто и въ это вѣрилъ), то хоть для «захватовъ», для увеличенія своей доли, для вознагражденія толпы за труды. Въ этомъ коренное различіе между меньшевиками и большевиками. Но такъ какъ на дѣлѣ всѣ расчеты меньшевиковъ на скорый миръ оказались нереальными, надежды на содѣйствіе германскихъ соціалъ-демократовъ были обмануты, воззваніе къ народамъ всего міра никакихъ результатовъ не дало, то меньшевики и оказались въ плѣну у большевиковъ, которыхъ лишь пригласили къ себѣ въ союзники, надѣясь использовать ихъ какъ простую «рабочую силу». Тутъ узелъ трагедіи меньшевиковъ, объясненіе, почему они фатально, быть можетъ иногда даже противъ воли, оказались укрывателями, сообщниками и попустителями тѣхъ, кто камень за камнемъ разрушалъ русскую державу.

Н. Ленинъ едва только пріѣхалъ въ Россію началъ толковать русскимъ рабочимъ, что Курляндія, (кто о ней тогда у насъ думалъ!) Финляндія и Украйна составляютъ аннексію русскаго царскаго правительства. Эта пропаганда загадочнымъ образомъ какъ то очень странно совпала съ германскими условіями мира. А меньшевики, руководившіе совѣтами, послѣ цѣлаго ряда увѣщаній по адресу зарывающихся финляндцевъ и украинцевъ, должны были подъ натискомъ большевиковъ, уже подготовившихъ „вооруженную демонстрацію“, согласиться на предъявленіе къ Временному Правительству требованія о немедленномъ „изданіи деклараціи о признаніи за всѣми народами Россіи права на самоопредѣленіе (вплоть до отдѣленія)“, причемъ меньшевикамъ удалось лишь выторговать безсмысленное добавленіе: «осуществляемаго путемъ соглашенія во всенародномъ

Учредительномъ Собраніи» (№ 95). Большевики требовали признанія права на „немедленное" отдѣленіе. Это было ясно, преступно и соотвѣтствовало видамъ Германіи. А меньшевики хитрили. Въ парламентахъ всего міра всѣ вопросы рѣшаются однимъ способомъ: голосованіемъ по большинству голосовъ, а тутъ меньшевиками предлагалось какое-то особое «соглашеніе»... А если большинство не согласится? Какъ быть съ обѣщаннымъ „правомъ" на отдѣленіе?

Воззваніе къ народамъ всего міра не дало мира, не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Это было смертельнымъ ударомъ для меньшевиковъ. Въ своихъ судорожныхъ метаніяхъ они съ удвоенной яростью набросились на П. Н. Милюкова. Онъ — виноватъ въ неудачѣ, его „захватные планы" тормозятъ дѣло мира. Почему онъ не выскажется за миръ безъ аннексій и контрибуцій, не воздѣйствуетъ на союзниковъ? Напрасно свѣдующіе въ иностранной политикѣ люди объясняли меньшевикамъ, что всѣ ихъ благія намѣренія ни къ чему не поведутъ, что въ политикѣ со словами и воззваніями никто не считается, что и Германія и наши союзники учитываютъ не наши совѣтскія воззванія, а связанное съ революціей ослабленіе нашей боевой силы, что предлагаемое меньшевиками воздѣйствіе только разсоритъ насъ съ союзниками, не приблизивъ ни на шагъ къ миру. Меньшевики не хотѣли понимать или находились уже въ такомъ положеніи, что не могли понимать. Имъ нуженъ былъ „виновникъ"... На помощь позваны были большевики, которые къ меньшевистскимъ лозунгамъ прибавили и свои объ опубликованіи тайныхъ договоровъ, о разрывѣ съ „грабительской буржуазіей" союзниковъ, о братаньи и т. д. Движеніе 20—21 апрѣля, начавшееся походомъ Финляндскаго полка въ боевомъ вооруженіи къ Маріинскому дворцу, было несомнѣнно вызвано совѣтскими дѣятелями. Это видно не только изъ воззваній Совѣта, внѣшне какъ будто отгораживавшихся отъ движенія, но явно ему сочувствовавшихъ и его покрывавшихъ: «Совѣтъ р. и с. д. горячо привѣтствуетъ революціонную демократію Петрограда, своими митингами, резолюціями, демонстраціями засвидѣтельствовавшую свою тревогу... Нота министра иностранныхъ дѣлъ отъ 18 апрѣля

давала основаніе для такой тревоги... Вѣрьте, Совѣтъ найдетъ пути для осуществленія Вашей воли». (№ 47). На другой день „Извѣстія“ писали: «Нота Временнаго Правительства вызвала законное возмущеніе гражданъ г. Петрограда». Отвѣтственность дѣятелей Совѣта за вооруженное давленіе на правительство 20—21 апрѣля видна не только между строкъ письма Федора Линде, („Нов. Жизнь“ отъ 23 апр.), который вывелъ Финляндскій полкъ къ Маріинскому дворцу и писалъ, что «состоя членомъ С. Р. и С. Д.» онъ «себя въ разбираемомъ событіи лицомъ неотвѣтственнымъ признать не можетъ». Спустя мѣсяцъ отвѣтственность эта была признана Исполнительнымъ Комитетомъ въ обращеніи къ соціалистическимъ партіямъ всего міра, гдѣ сказано: „Россійская демократія заставила первое Временное Правительство признать эту платформу, и какъ показали событія 20 и 21 апрѣля, не позволила первому Временному Правительству отклониться отъ нея“ (№ 72).

Движеніе 20—21 апрѣля, хотя и вызвало взрывъ общественнаго негодованія и грандіозныя уличныя манифистаціи въ защиту „кадетскихъ министровъ“, въ концѣ концовъ дало побѣду соціалистамъ вслѣдствіе интриги, организованной внутри самого кабинета Н. В. Некрасовымъ. А. И. Гучковъ ушелъ самъ, П. Н. Милюкова „ушли“. Но побѣда досталась меньшевикамъ дорогою цѣной. Подталкиваемые своими союзниками слѣва большевиками, меньшевики, несмотря на свое искреннее нежеланіе принимать отвѣтственность за власть, должны были вмѣстѣ съ соціалистами-революціонерами и народными соціалистами войти въ „буржуазное“ министерство. Они вошли въ него, оставаясь циммервальдцами, т. е. признали своей главной задачей не возстановленіе, а дальнѣйшее разрушеніе внутренняго мира. Вполнѣ послѣдовательно и искренно руководитель совѣтскаго отдѣла иностранныхъ сношеній одинъ изъ новыхъ министровъ М. И. Скобелевъ отъ имени своихъ товарищей министровъ-соціалистовъ телеграфно увѣдомилъ заграничную демократію, что они вошли въ кабинетъ не какъ французскіе или бельгійскіе соціалисты, вовсе не для „священнаго единенія“. «Исходной точкой участія соціалистовъ въ революціонномъ

правительствѣ — гласило это удивительное оповѣщеніе — являлось *не прекращеніе классовой борьбы, но наоборотъ, ея продолженіе при помощи орудій политической власти.* Вотъ почему вступленіе соціалистовъ стало возможно не прежде, чѣмъ одни изъ враговъ русскаго пролетаріата оказались въ Петропавловской крѣпости, а другіе *лишены власти движеніемъ революціонныхъ массъ 20—21 апрѣля».* („Изв." № 78). Ясно, кѣмъ это движеніе было вызвано и подготовлено.

По мѣрѣ своихъ силъ и возможности каждый изъ министровъ соціалистовъ въ своей области старался быть вѣрнымъ этой программѣ. Въ деревнѣ вслѣдствіе черновскихъ циркуляровъ и дѣятельности министерскихъ агентовъ смута и междоусобіе росли съ каждымъ днемъ, а слухи о томъ что „уже дѣлятъ землю" вызвали массовое дезертирство съ фронта. Солдаты дезертиры и кронштадтскіе матросы сплошь и рядомъ были крестными отцами черновскихъ комитетовъ. Сокращеніе запашки приняло тревожные размѣры и призракъ голода рѣетъ надъ страной. М. И. Скобелевъ не только своими дѣйствіями въ значительной мѣрѣ помогъ разрушенію нашей промышленности, но даже однѣми своими легкомысленными рѣчами причинилъ Россіи убытки на валютѣ въ сотни милліоновъ рублей. Состояніе почтоваго дѣла въ Россіи извѣстно всѣмъ: церетеллевская почта оставила по себѣ хорошую память. Въ области продовольствія преступно-легкомысленные громановскіе эксперименты и народническое прекраснодушіе А. В. Пѣшехонова обезпечили странѣ голодъ, изъ котораго демократическіе и соціалистическіе министры едва ли выйдутъ безъ воинскихъ командъ и террора. Наконецъ министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ хотя и не партійный но „соціалистъ въ душѣ", окончательно развалилъ нашъ транспортъ, поддакивая каждой претензіи рабочихъ и прикрывая это поддакиваніе громкими, но пустыми словами. Убѣдившись, что каждая уступка лишь порождаетъ новыя требованія, онъ не безъ ловкости сбѣжалъ изъ непріятнаго министерства. Призывъ соціалистовъ къ власти несомнѣнно облегчилъ работу циммервальдцевъ. Но все-таки власть, близкое и отвѣтственное соприкосновеніе съ дѣломъ, неизбѣжно оказываетъ чрезвычайное воздѣйствіе и на завзя-

таго теоретика и на легкомысленнѣйшаго человѣка. Власть подводитъ человѣка вплотную къ жизни и, если онъ не измѣнникъ или не совершенно лишенъ способности думать, то пересмотръ старыхъ взлядовъ становится для него неизбѣжнымъ. Вѣдь А. Ф. Керенскій вступалъ въ министерство тоже съ сильными циммервальдскими симпатіями. Въ процессѣ осуществленія власти онъ превратился въ государственнаго человѣка, понимающаго значеніе внутренняго мира, воинской дисциплины, боевыхъ традицій, „славныхъ преображенцевъ“, завѣщанныхъ имъ „великимъ преобразователемъ“, казачьей доблести и т. д. Вотъ языкъ, котораго трудно было ждать отъ соціалиста-революціонера, все еще партійнаго товарища В. М. Чернова, представителя „циммервальдской лѣвой“!...

Такое же превращеніе въ той или иной мѣрѣ должно было случиться и съ каждымъ изъ другихъ министровъ соціалистовъ. Большевики это предвидѣли и предвкушали сладость изобличенія меньшевиковъ, вчерашнихъ соціалъ-демократовъ, въ „измѣнѣ“, въ „кадетствѣ“. Понимали и меньшевики неизбѣжность такого процесса и связанной съ нимъ утраты популярности среди революціонной массы. Понимали, блѣднѣли, трусили и искали, что бы еще выбросить бѣгущей за санями волчьей стаѣ.

Меньшевики, недавно привѣтствовавшіе „братанье“, еще на дняхъ напечатавшіе въ своемъ офиціозѣ манифестъ своей Петроградской организзціи съ требованіемъ „немедленнаго перемирія“ (Раб. газ. №№ 69, 81), теперь должны были содѣйствовать А. Ф. Керенскому въ подготовкѣ и организаціи наступленія и аплодировать не очень умной похвальбѣ своего министра М. И. Скобелева: „Пусть намъ не говорятъ. что мы будемъ игрушкой въ рукахъ Вильгельма. Нѣтъ. Вильгельмъ будетъ игрушкой въ нашихъ рукахъ“ („Изв. С. р. и с. д.“ № 66).

Господа, по телеграммѣ изъ Стокгольма отъ столь подозрительнаго субъекта, какъ Ганецкій-Фюрстенбергъ, помогавшіе организаціи кампаніи протеста противъ смертнаго приговора австрійцу Фридриху Адлеру, должны были молчаливо одобрить примѣненіе смертной казни къ русскимъ

солдатамъ. Должны были потому, что сознавали свою вину въ дезорганизаціи арміи, сдѣлавшей эту мѣру необходимой.

Въ самомъ началѣ революціи „Извѣстія" (№ 19 отъ 19 марта) „неотложную необходимость" видѣли въ созданіи „красной гвардіи". Да здравствуетъ красная гвардія!"—восклицалъ офиціозъ „Требуйте отъ временнаго правительства созданія рабочей гвардіи. Вооружайтесь и создавайте не милицію, а свою рабочую армію". „Революціонная армія на сторонѣ народа—это хорошо, но плохо, опасно, недопустимо то, что народъ, рабочіе до настоящаго времени не вооружены". „Красная гвардія" появилась и, какъ слѣдовало ожидать, оказалась въ рукахъ большевиковъ. Не было ни одного захвата ни одного безобразія, ни одного безчинства, въ которомъ бы такъ или иначе не участвовали красногвардейцы. Наконецъ, 21 апр. „красная гвардія" начала разстрѣливать на улицахъ столицы безоружныхъ гражданъ и солдатъ, манифестировавшихъ за временное правительство. По долгу службы „Извѣстія" пытались выгородить красногвардейцевъ явной ложью и, такими напр. доводами: „можно съ увѣренностью сказать, что если выстрѣлы производили рабочіе, то они, конечно (?!) стрѣляли въ воздухъ" (№ 49). Это вызвало на столбцахъ самихъ „Изв." возмущенный протестъ стараго соціалъ-демократа поручика Ашмакара (№ 54) обвинявшаго „Извѣстія Совѣта", что они натравливаютъ рабочихъ не только на буржуазію, но и на всякаго человѣка, который имѣетъ, возможность надѣть и носить манишку и котелокъ". Общественное негодованіе было столь велико, что „Извѣстія, мѣсяцъ тому назадъ кричавшія „да здравствуетъ красная гвардія!", теперь уже писали „Организація какой-то самостоятельной боевой единицы въ видѣ красной гвардіи можетъ въ этомъ отношеніи сыграть роль вредную... Всѣ сознательные рабочіе и солдаты должны высказаться рѣшительно противъ нея". (№ 52). А еще черезъ два мѣсяца расклеенный на улицахъ приказъ о разоруженіи населенія носилъ подписи А. Ф. Керенскаго и И. Г. Церетелли. Зачѣмъ же было вначалѣ подстрекать толпу, чтобы они требовали отъ правительства «вооруженія», а потомъ подъ угрозой наказанія требовать отъ той же толпы разоруженія!...

Два мѣсяца тому назадъ и Церетелли и Скобелевъ во всѣхъ указаніяхъ на пагубныя для родины злоупотребленія пролетаріата своею силой видѣли только ложь и клевету буржуазіи. Очутившись у власти, они вынуждены были сказать своимъ товарищамъ то же самое, что говорили «буржуи». Вожди соціалъ-демократовъ-меньшевиковъ Церетелли и Скобелевъ вынуждены были выслать за-границу Роберта Гримма, того самаго, который за двѣ недѣли до высылки былъ избранъ «почетнымъ предсѣдателемъ» меньшевистской конференціи и о роли котораго ихъ предупреждалъ министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ.

Отношеніе большевиковъ къ «Займу Свободы» было опредѣленнымъ съ самаго начала. Они вели противъ него ожесточенную агитацію и въ прозѣ и въ стихахъ даже раньше, чѣмъ была объявлена подписка. «Заемъ свободы» на столбцахъ «Правды» иначе, какъ «займомъ неволи» не назывался. Меньшевики въ своей «Рабочей Газетѣ» открыли... «дискуссію» и печатали безтактнѣйшія статьи г. Ерманскаго противъ займа, такъ какъ, голосуя за него, «мы мѣшаемъ скорѣйшему окончанію войны» (№ 40). Впрочемъ, въ «Рабочей Газетѣ» даже въ іюнѣ мѣсяцѣ въ рядѣ №№ (напр. 92, 93) велась «дискуссія» на тему «бояться ли намъ побѣды или не бояться» и были статьи, доказывавшія, что надо бояться. «Извѣстія Совѣта» по вопросу о займѣ хранили мрачное молчаніе, прерываемое время отъ времени печатаніемъ резолюцій, враждебныхъ займу: «Голосуя за заемъ, голосуемъ за завоевательную войну. Мы противъ займа свободы» («Изв. № 47). А г. Скобелевъ черезъ отдѣлъ междунар. сношеній послалъ заграницу такую телеграмму: «Совѣтъ р. и с. д. 16 (29) апрѣля *по предложенію предсѣдателя Чхеидзе* постановилъ не обсуждать пока вопросъ о выпускаемомъ правительствомъ займѣ. Совѣтъ постановилъ рѣшить вопросъ о займѣ черезъ нѣсколько дней, учтя отвѣтъ правительства, который оно дастъ на запросъ о дальнѣйшихъ шагахъ правительства въ отношеніи сдѣланнаго имъ заявленія объ отказѣ отъ аннексій» (№ 45). Можно легко вообразить, какое впечатлѣніе эта телеграмма, въ военное время представлявшая актъ явной государственной измѣны, должна

была произвести на нашихъ враговъ и союзниковъ, какое дѣйствіе она оказала на нашъ кредитъ! Для полноты картины добавимъ, что тотъ же Совѣтъ р. и с. д. въ тѣ же времена велъ переговоры (о, конечно, неофиціальные!) съ правительствомъ о выдачѣ ему субсидіи въ 10,000,000 руб. изъ казенныхъ средствъ. Впрочемъ, какъ позднѣе засвидѣтельствовалъ г. Брамсонъ, большинство членовъ Исп. Комитета «пришло къ заключенію, что этотъ источникъ не является подходящимъ въ смыслѣ финансирования нашихъ работъ» (№ 105). Къ такому «заключенію» большинство «пришло», во всякомъ случаѣ, не сразу...

Послѣ событій 20—21 апрѣля, послѣ своей «демонстраціи силы» (№ 48), Совѣтъ принялъ, наконецъ, противъ голосовъ большевиковъ и интернаціоналистовъ, сочувственную займу резолюцію. А когда гг. соціалисты вошли въ министерство, то пустота казеннаго сундука и опасность бумажно-денежнаго потопа заставили ихъ серьезно подумать о займѣ, съ которымъ они шутили такъ преступно—легкомысленно для государственныхъ интересовъ Россіи. Но дѣло уже было испорчено въ корнѣ и поправить его бумажными резолюціями нельзя было. Тогда... «Извѣстія» стали искать «виновника» провала займа. Трудно повѣрить, но это фактъ: въ № отъ 19 мая этотъ, непривыкшій считаться съ истиной, совѣтскій офиціозъ превзошелъ самаго себя и написалъ такія строки: «Кто виноватъ въ этомъ? Демократія и ея революціонные органы, которые сдѣлали все возможное для обезпеченія успѣха займа... или наши командующіе классы, которые не хотятъ разстаться со своими капиталами?». Далѣе слѣдовало предложеніе «принять рѣшительныя мѣры противъ контръ-революціонной тенденціи» «господъ капиталистовъ» (№ 70). Изобличить офиціозную ложь пришлось министру Скобелеву, который долженъ былъ цифрами подтвердить тотъ непреложный фактъ, что «господа капиталисты» отказывались подписываться на послѣдній царскій заемъ и весьма охотно разбирали заемъ свободы, тогда какъ «демократія», средства которой помѣщены въ сберегательныхъ кассахъ, во много разъ охотнѣе брала послѣдній царскій заемъ, чѣмъ заемъ свободы. Очевидно, ра-

бота «революціонныхъ органовъ демократіи» принесла свои плоды. Конечно, меньшевику Скобелеву большевики не могли простить такихъ «ложныхъ шаговъ».

Другой меньшевикъ министръ Церетелли черезъ день послѣ своего назначенія пѣлъ въ Совѣтѣ еще почти полной циммервальдской октавой: «Отечество въ опасности, говорятъ, а я скажу больше: революціонная Россія въ опасности, идея международнаго братства въ опасности» (№ 60). А черезъ 6 недѣль онъ уже говорилъ: «Когда рѣшается вопросъ о судьбѣ нашего фронта, о судьбѣ нашей наступающей арміи, мы не боимся сходиться съ имперіалистами союзной страны больше, чѣмъ съ имперіалистами воюющей съ нами страны». И на «ироническіе аплодисменты и крики слѣва «браво» прибавилъ: «Если бы вы поняли смыслъ вашихъ аплодисментовъ, вы бы ихъ прекратили... Должны же вы признать, что Гинденбургъ хочетъ деморализаціи русской арміи, хочетъ пораженія русской арміи и мы никогда не скажемъ, что Жоффръ хочетъ того же самого» (№ 97). Церетелли прозрѣлъ... но этого не было достаточно для того, чтобы прозрѣли Ленины и Троцкіе, Мартовы и Рязановы. Они оставались вѣрны себѣ. Клеймили министровъ-соціалистовъ все еще постыднымъ для нихъ прозвищемъ «соціалъ-патріотовъ», изобличали въ измѣнѣ, отбрасывали въ кадетскій лагерь. Рабочія и солдатскія массы явно склонялись на сторону большевиковъ противъ министровъ. Въ рабочей части Совѣта р. и с. д. большинство перемѣщалось на лѣво и отдѣльныя случайныя голосованія грозили сюрпризами. Напрасно меньшевики и руководящія совѣтскія сферы всячески заигрывали съ большевиками, защищали ихъ газеты отъ нападокъ «буржуазной прессы», даже грозили послѣдней репрессіями. Большевики все это принимали какъ должное, но въ тайнѣ точили ножъ. Дѣйствуя именемъ Совѣта, они готовили бунтъ противъ Совѣта, противъ его большинства. Съ лозунгами «долой 10 министровъ-капиталистовъ!» «вся власть совѣтамъ р. и с. д.» большевики въ тайнѣ отъ меньшевиковъ подготовляли «вооруженную манифестацію», т. е. по просту говоря военный мятежъ, противъ совѣтскаго большинства и

его министровъ, считавшихъ переходъ всей власти въ руки совѣтовъ самоубійствомъ революціи.

Еще 21 мая «Извѣстія» думали спастись натравливаніемъ большевиковъ на нѣкоторыхъ изъ оставшихся министровъ-кадетъ. Газета внушала своимъ строптивымъ друго-врагамъ слѣва: «Можно настаивать на необходимости измѣненія самаго состава правительства... но подрывать силу революцонной власти... значитъ вести революцію къ гибели» (№ 72). *) Не помогло...

Съ огромнымъ трудомъ министрамъ и совѣтскому большинству удалось предупредить большевистскую «вооруженную демонстрацію» 10 іюня. Меньшевики хорошо знали своихъ друзей—враговъ и правильно охарактеризовали ихъ тактику, что разоблаченные «они безпомощно лепечутъ о томъ, что демонстрація задумана не ими, что движеніе идетъ снизу, а они лишь пытались придать ему организованный характеръ» (Раб. Г. № 78). Да, таковъ, дѣйствительно, всегда характеръ объясненій большевиковъ, когда задуманный ими мятежъ не увѣнчается успѣхомъ. Буквально тоже самое говорили они и послѣ скверныхъ дней 3—5 іюля, но, къ несчастью, то же самое «лепетали» и «Извѣстія Совѣта» 21 апрѣля...

На этомъ эпизодѣ съ заговоромъ 10 іюня легче всего видѣть ту лживость и неискренность, съ которой соціалисты пытались отвѣтственность за большевистскій мятежъ 3—5 іюля возложить на кадетовъ, отозвавшихъ своихъ министровъ изъ кабинета.

То, что было продѣлано большевиками на улицахъ столицы 3—5 іюля, полностью подготовлялось ими на 10 іюня. Даже знаменитые кронштадтцы приглашены. Въ № 80 «Раб. Газ.» объ этомъ разсказано подробно и обстоятельно. 9 іюня на засѣданіи кронштадтскаго сов. р. и с. д. мѣстнымъ большевикомъ

*) А газета Горькаго 2 іюля писала: „Революціонная демократія потребовала, чтобы министръ нар. просв. ушелъ, и онъ уйдетъ. Онъ послѣдуетъ по стопамъ П. Милюкова и, быть можетъ, покажетъ дорогу нѣкоторымъ другимъ коллегамъ по партіи“. И во время движенія 3 іюля связи между большевиками и меньшевиками порваны не были.

Кирилломъ было заявлено, что имъ получено изъ Петрограда отъ Ц. К. партіи сообщеніе о готовящейся вооруженной демонстраціи. Въ 8 ч. вечера на Якорной площади состоялся митингъ. Предлагали ѣхать въ Петроградъ демонстрировать противъ поднимающейся контръ-революціи. Выбрана была даже цѣлая делегація въ количествѣ 150 человѣкъ. Толпа въ 400 человѣкъ потребовала оружіе, пошла за нимъ въ милицію, гдѣ первымъ дѣломъ взломала денежный ящикъ, а затѣмъ разграбила въ Гостинномъ дворѣ нѣсколько магазиновъ. Словомъ, точная копія продѣланнаго кронштадтцами 3—5 іюля въ Петроградѣ... Тѣмъ не менѣе та же «Рабочая Газета», отлично знающая всѣ эти факты, многократно обвиняла кадетовъ, что они своимъ уходомъ вызвали большевистское выступленіе. Партійная недобросовѣстность дальше идти не можетъ...

23 апрѣля въ торжественномъ засѣданіи 4-хъ Гос. Думъ И. Г. Церетелли, отрицая, что «въ рядахъ арміи началось разложеніе» («къ счастью, это оказалось неправдой»), выступилъ съ горячей защитой Ленина противъ нападокъ В. В. Шульгина. «Я долженъ сказать—заявилъ вождь меньшевиковъ—съ Ленинымъ, съ его агитаціей я не согласенъ, но то, что говоритъ депутатъ Шульгинъ, есть клевета на Ленина. Никогда Ленинъ не призывалъ къ выступленіямъ, нарушающимъ ходъ революціи. Ленинъ ведетъ идейную принципіальную пропаганду. Платформа Ленина въ томъ, что разъ буржуазія не способна понять общегосударственныхъ задачъ момента, надо устранить ее и пустить С. р. и с. д. завладѣть всей властью. Можно спорить, можно не соглашаться съ Ленинымъ—я несоглашаюсь... Но если бы я хоть на минуту повѣрилъ, что идеи Шульгина идеи всей цензовой буржуазіи, то я бы сказалъ: въ Россіи не осталось никакого пути спасенія, кромѣ отчаянной попытки теперь же объявить диктатуру пролетаріата и крестьянства» («Изв.» № 53). Тогда, въ апрѣлѣ циммервальдецъ Церетелли могъ съ легкимъ сердцемъ грозить буржуазіи большевистской «диктатурой». 10 іюня, когда большевики сдѣлали свою «отчаянную попытку», онъ какъ будто прозрѣлъ. Руководимая имъ «Рабочая Газета» набралась духу и заговорила: «Пора намъ загово-

рить съ ними открыто и смѣло! Пора всенародно, пока не поздно, пока революція не захлебнулась въ крови той братоубійственной бойни, которую *сознательно подготовляютъ ленинцы* и которой съ затаеннымъ злорадствомъ поджидаетъ вся реакціонная клика, пора, наконецъ, пригвоздить къ позорному столбу тѣхъ, кто ведетъ эту темную игру, пора заклеймить ленинцевъ *предателями и измѣнниками дѣла революціи*» (№ 77). Хотя подчеркнутыя нами слова «Раб. Газетой» и набраны строчнымъ жирнымъ шрифтомъ, но рѣшимости «заговорить открыто и смѣло» у меньшевиковъ хватило не на долго. Слишкомъ ужъ тѣсными нитями связаны всѣ г.г. циммервальдцы! Не такъ то легко ихъ оборвать. На другой же день совѣтское большинство начало думать о томъ, какъ бы помириться съ ленинцами и остановилось на блестящей идеѣ самимъ устроить противоправительственную демонстрацію. На языкѣ соціалъ-демократовъ это называется «овладѣть движеніемъ», «стать во главѣ его». Противоправительственная демострація при благосклонномъ участіи половины правительства была назначена Совѣтомъ на 18 іюня. Передъ этимъ Церетелли потребовалъ и добился у правительства назначенія на 17 сентября выборовъ въ Учредительное Собраніе вопреки категорическому заявленію всѣхъ спеціалистовъ, указавшихъ на полную физическую невозможность подогнать выборы къ такому сроку. Кн. Г. Е. Львовъ и министры-кадеты протестовали противъ этой демагогической нелѣпости, вынуждающей правительство давать явно невыполнимыя обѣщанія. Но—что было дѣлать!—на меньшевиковъ напирали большевики, меньшевики давили на министерство, въ которомъ большинство принадлежало имъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ однимъ изъ редакторомъ «Извѣстій» г. Войтинскимъ, сдѣлавшимъ 2 іюня въ совѣщаніи соц.-демократовъ такое заявленіе: «Намъ говорятъ, что наши министры въ меньшинствѣ, что ихъ подавляетъ числомъ своихъ представителей буржуазія. *Это—неправда.* Я утверждаю, что за время пребыванія министровъ-соціалистовъ во Временномъ Правительствѣ не было *ни одного случая*, чтобы наше предложеніе не прошло, ни разу не было случая, чтобы наши министры были въ меньшинствѣ. Черезъ

Временное Правительство мы осуществляемъ волю революціонной демократіи».

18 іюня состоялась эта демонстрація «революціонной демократіи». На всемъ пути гордо рѣяли только большевистскія знамена: «долой 10 министровъ-капиталистовъ!» «вся власть совѣтамъ!» «долой наступленіе-» «долой каторжные приказы противъ солдатъ!» «вооруженіе народа и прежде всего рабочихъ!» «насъ обманули, готовьтесь къ борьбѣ!» Какъ справедливо издѣвалась «Правда», даже «Рабочая Газета» не рѣшилась провозгласить лозунгъ «довѣріе Вр. Правительству». А когда во время манифестаціи двѣ небольшія группы казаковъ и бундовцевъ (символическое сочетаніе!) появились съ этими знаменами, толпа большевиковъ набросилась на нихъ и разорвала знамена. А тамъ, на поляхъ Галиціи въ этотъ самый день «полки 18 іюня», перенасыщенные доблестными офицерами и героями ударныхъ батальоновъ, самоотверженно начинали наступленіе...

Казалось, манифестація 18 іюня должна была окончательно открыть глаза меньшевикамъ и министрамъ-соціалистамъ. Но не трудно обмануть того, кто жаждетъ быть обманутымъ. Министры—циммервальдцы катились по наклонной плоскости. Травля противъ министровъ-кадетъ перешла всякія границы приличія. Разсчитывали удовлетворить аппетиты большевиковъ выдачей имъ на съѣденіе А. А. Мануилова и капитуляціей передъ кіевской украинской радой. Но большевики добивались совсѣмъ другого: имъ надо было сорвать наступленіе, оттягивавшее часть австро-германскихъ силъ съ западнаго фронта. Недаромъ 2-го іюня г. Троцкій, протестуя противъ наступленія, торжествующе заявилъ: «То, что сейчасъ происходитъ въ арміи, т. е. братанье или фактическое перемиріе—явленіе стихійное, продуктъ революціи и никакія усилія совѣта создать боеспособность арміи—боеспособности не создадутъ» («Изв.» № 82). Измѣна на фронтѣ, большевистскій бунтъ въ столицѣ, бунтъ полуботковцевъ въ Кіевѣ, безпорядки въ разныхъ городахъ Россіи—вотъ что подготовили большевики своимъ министрамъ-соціалистамъ къ 3 іюля.

Министры-соціалисты и поддерживавшіе ихъ Совѣты, когда увидали штыкъ у своей груди, какъ будто поняли смыслъ событій и что ожидаетъ ихъ вмѣстѣ со всей Россіей. Раздались требованія сильной власти, возстановленія дисциплины, преданія измѣнниковъ суду, прекращенія внутреннихъ распрей. Но свѣтлый промежутокъ длился не долго. Крѣпки нити Циммервальда, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей котораго В. Черновъ занимаетъ въ кабинетѣ важный постъ министра земледѣлія. Министры-соціалисты вспомнили свое торжественное заявленіе передъ лицомъ всего міра, что «исходной точкой ихъ участія въ революціонномъ правительствѣ являлось не прекращеніе классовой борьбы, но, наоборотъ, ея продолженіе при помощи орудій политической власти».

Несчастная Россія, министры которой въ моментъ страшной внѣшней войны видѣли свой долгъ въ возбужденіи внутри страны еще болѣе ужасной войны гражданской, войны классовой, междоусобной. Что къ этому можно прибавить!...

IV.

Разрушеніе промышленности.

Если въ какой области меньшевикамъ могъ сослужить пользу ихъ марксизмъ, то, казалось, въ области соціальныхъ вопросовъ. И, дѣйствительно, въ то время какъ большевики въ первомъ же своемъ манифестѣ, не заботясь ни о какихъ послѣдствіяхъ, выставили лозунгъ восьмичасоваго рабочаго дня и отобранія земли, меньшевики, повинуясь голосу научной совѣсти, призывали къ осторожности, напоминали о печальномъ урокѣ революціи 1905 года. «Всякое легкомысленное обостреніе экономической борьбы—писали они—ослабляя и дезорганизуя силы пролетаріата, грозитъ въ то же время опасностью единству революціоннаго движенія». (Раб. Г. № 17). Но несчастье этой партіи въ томъ, что она представляетъ лишь штабъ, армія котораго находится въ ру-

кахъ чуждыхъ ему большевистскихъ комитетовъ. Поэтому меньшевиковъ слушаютъ только, когда они поддакиваютъ инстинктамъ массы или командующимъ ею демагогамъ. Идти же противъ массы, «открыто и смѣло» нести въ массы свою мысль, не сгибая шеи передъ демагогіей, у меньшевиковъ не хватаетъ ни мужества, ни силы. Поэтому-то они все время и въ рабочемъ вопросѣ шатались изъ стороны въ сторону, чаще всего плетясь въ хвостѣ возбужденной демагогами толпы. Такъ какъ меньшевики играли первую скрипку въ Совѣтѣ, то такую же жалкую роль игралъ и онъ.

Еще 10 марта меньшевики предостерегали рабочихъ противъ перехода къ борьбѣ за 8-мичасовой день. «Это значитъ—уговаривала ихъ газета на марксистскомъ языкѣ—бросить занятую политическую позицію и перейти на новую—экономическую. Но развѣ такъ дѣлаютъ на войнѣ? Нѣтъ, тамъ завоевавъ позицію, на ней хорошо окапываются» и т. д. и т. д. «Вспомнимъ 1905-ый годъ». Но на несчастье меньшевиковъ большевики уже принудили терроромъ общество фабрикантовъ согласиться на «немедленное введеніе 8-мичасового рабочаго дня» и въ тотъ самый день, когда писалась статья «Р. Г.» уже было готово «соглашеніе». Пришлось меньшевикамъ черезъ день, явно кривя душой, торжествовать по поводу того, что «цѣнное экономическое завоеваніе достигнуто организованной политической борьбой» а, дабы вторично не отстать отъ толпы, подстегивать ее по мѣрѣ силъ: «надо добиться распространенія 8-го раб. дня на всю Россію, на всѣ предпріятія» (№ 6).

Извѣстно, что началось въ нашей промышленности послѣ «первой побѣды рабочаго класса» «Извѣстія» увѣряли, что сокращеніе времени труда поведетъ къ увеличенію его «интенсивности»: «это общее мѣсто, о которомъ много говорить не приходится» (№ 13). Для Россіи это «общее мѣсто» оказалось лживымъ: интенсивность труда чрезвычайно понизилась. Впрочемъ и 8-ми часовъ никто не работалъ: работали, когда и кто сколько хотѣлъ. Въ требованіяхъ повышенія платы не было никакого удержу. Наряду съ этимъ шло техническое разрушеніе предпріятій: рабочіе прогоняли

инженеровъ, вывозили на тачкѣ мастеровъ, выбирали на ихъ мѣсто людей въ дѣлѣ не свѣдующихъ, часто весьма подозрительныхъ и проч. Въ «соглашеніи», заключенномъ Совѣтомъ, послѣдній обязался устранить примѣнявшіяся рабочими насильственныя мѣры. 17 марта Общество заводчиковъ и фабрикантовъ обращается къ Совѣту съ указаніемъ, что рабочими предъявляются невыполнимыя требованія, нерѣдко примѣняется насиліе, работы идутъ безпорядочно, вслѣдствіе чего производительность заводовъ рѣзко понизилась. («Изв.» № 20). «Извѣстія», которыя 7 марта науськивали рабочихъ, поучая ихъ, что при отказѣ предпринимателя продолжать производство, «они должны настаивать рѣшительно на томъ, чтобы веденіе работы было передано въ ихъ собственныя руки подъ руководствомъ комиссара Совѣта р. и с. д.» (№ 8), теперь испугались медузиной головы гибели промышленности. 22 марта они выступили со словомъ предостереженія: «побольше выдержки». «Вчера еще—писалъ официозъ—все было воспрещено и недоступно, сегодня—все дозволено и все осуществимо. И всѣ наперерывъ спѣшатъ осуществить свои желанія и запросы. Этотъ неудержимый потокъ грозитъ насъ затопить и затормозить всю работу... На нѣкоторыхъ заводахъ Петрограда идетъ сейчасъ такая спѣшная необдуманная перестройка. Стараются захватить какъ можно больше и какъ можно скорѣе, не заботясь о томъ, удастся ли удержать захваченное. И эта поспѣшность вноситъ нѣкоторую дезорганизацію... Не всѣ требованія осуществимы. Всему есть граница. И если перейти эту границу, можетъ произойти то, что предприниматели предпочтутъ закрыть свои предпріятія и распустить рабочихъ. Необходимо возможно скорѣе наладить правильный ходъ работъ на заводахъ. Этого требуютъ интересы всей страны, интересы защиты свободы отъ посягательствъ на нее какъ извнутри, такъ и извнѣ» (№ 21). Статья произвела сенсацію какъ среди рабочихъ, такъ и среди фронтовыхъ и петроградскихъ солдатъ, которые въ то время еще едва не взяли на штыки женщину, крикнувшую въ Таврическомъ дворцѣ: «долой войну!». Какъ идутъ работы на заводахъ, работающихъ на оборону—этимъ вопросомъ страстно заинтересовалась армія. Солдаты

и пріѣзжія съ фронта делегаціи стали устраивать «ревизіи». Имъ втирали очки, понятно, еще съ большей легкостью, чѣмъ ревизорамъ стараго режима, ибо они еще менѣе тѣхъ могли разбираться въ спеціальныхъ вопросахъ. Солдаты разсуждали, что рабочіе оставлены въ тылу не для бездѣлья, а для работы. Не хотятъ работать—пусть ѣдутъ на фронтъ, гдѣ сидятъ въ окопахъ не 8, а 24 и больше часовъ. Призракъ раскола между рабочими и солдатами смертельно напугалъ соціалистовъ и совѣтскихъ вожаковъ. Данъ былъ сигналъ бить отбой и увѣрять всѣхъ, что все обстоитъ благополучно. «Рабочихъ упрекаютъ въ томъ, что они своими требованіями объ увеличеніи платы и сокращеніи рабочаго дня мѣшаютъ дѣлу обороны. Въ этихъ упрекахъ много недоразумѣній и даже прямой лжи»—писали «Извѣстія» въ № 27, забывъ свою же статью въ № 22. «Рабочіе—безстыдно лгалъ офиціозъ на слѣдующій день—работаютъ всюду изъ всѣхъ силъ, не покладая рукъ, дѣло налаживается всюду» (№ 28). Не могъ не приложить своей руки и И. Г. Церетелли. «Говорятъ—заявилъ онъ на всеросс. совѣщаніи Совѣтовъ 29 марта—что рабочіе не стоятъ у станковъ и не работаютъ. Товарищи, всѣ авторитетные органы демократіи заявили, что это гнусная клевета и первый съѣздъ Совѣтовъ р. и с. д. *долженъ* (?) подтвердить это». (№ 29). Виноватой во всемъ оказалась «буржуазная печать», которая лжетъ и клевещетъ, чтобы «натравить солдатъ на рабочихъ». Данъ былъ сигналъ солдатскимъ комитетамъ выступить «въ защиту рабочихъ». Страницы «Извѣстій» были, положительно залиты заявленіями въ родѣ слѣдующаго письма отъ имени Финляндскаго полка (пущеннаго въ ходъ 20 апрѣля): «Мы протестуемъ противъ буржуазной прессы (идетъ перечисленіе газетъ), поднявшихъ травлю на товарищей—рабочихъ, обвиняя въ нежеланіи работать на оборону и старающихся этой травлей затушевать капиталистовъ-фабрикантовъ, повидимому готовящихъ тайный синдикатъ, направленный къ лишенію фабрикъ и заводовъ необходимыхъ матеріаловъ. Мы требуемъ прекращенія этого натравливанія... Если требованіе наше не будетъ исполнено, то *мы не ручаемся, что не можетъ произойти взрывъ мести противъ буржуазной прессы*» (№ 38).

Эта компанія лжи и клеветы, подкрѣпляемая угрозой насильственныхъ расправъ, продолжалась до тѣхъ поръ, пока Съѣздъ Совѣтовъ 21 іюня (уже послѣ разоблаченія большевистскаго заговора) не набрался мужества сказать въ резолюціи: «въ своей борьбѣ за улучшеніе своего положенія рабочія организаціи должны считаться съ вліяніемъ своихъ выступленій на переживаемый страной хозяйственный кризисъ» (№ 100).

Окрыленный этимъ, рѣшился сказать слово правды и министръ труда М. И. Скобелевъ въ своемъ циркулярѣ: «Стихійныя выступленія берутъ верхъ надъ организованностью... Нерѣдко рабочіе, вопреки указаніямъ профессіональныхъ союзовъ, настаиваютъ подъ угрозой насилій на удовлетвореніи выставленныхъ требованій... Враги революціи (безъ этого образа соціалистъ не смѣетъ сказать ни одного слова горькой правды!) втихомолку злорадствуютъ, видя, какъ вслѣдствіе изгнанія вами техническаго персонала, разрушается вашимъ же трудомъ налаженное производство и какъ затрудняются сношенія съ другими странами, когда рабочими преслѣдуются служащіе на нашихъ заводахъ иностранные граждане... Захватъ же фабрикъ и заводовъ дѣлаетъ рабочихъ, неимѣющихъ ни опыта управленія, ни необходимыхъ оборотныхъ средствъ, на короткій срокъ хозяевами и вскорѣ приводитъ ихъ къ закрытію захваченнаго предпріятія или къ подчиненію рабочихъ еще худшему предпринимательскому произволу»... (№ 103).

Какъ всякія слова, не подкрѣпленныя твердымъ, рѣшительнымъ дѣломъ, циркуляръ М. И. Скобелева оказался простымъ сотрясеніемъ воздуха...

О развалѣ нашей промышленности, о томъ, что дѣлается въ желѣзнодорожныхъ ремонтныхъ мастерскихъ, имѣющихъ такое роковое значеніе для всей страны, можно и слѣдовало бы написать томы. У меня нѣтъ для этого ни времени, ни мѣста. Въ заключеніе этой, поневолѣ скомканной, главы я хотѣлъ бы только огласить два классическихъ документа, говорящихъ о моральномъ распадѣ нашего рабочаго класса. Я приведу двѣ резолюціи, написанныя рабочими или выданныя за ихъ произведенія, безъ протеста съ ихъ сто-

роны, которыя много десятилѣтій будутъ цитироваться, какъ образчикъ той моральной оголтѣлости и того духовнаго убожества, до которыхъ соціалистамъ удалось въ 1917 году принизить нашего рабочаго, въ существѣ своемъ честнаго и не глупаго человѣка. Постоянное кажденіе пролетаріату со стороны безсовѣстной или перетрусившей соціалистической интеллигенціи, эти вѣчные демагогическіе призывы къ силѣ и насилію, толкнули наконецъ, 13 апрѣля „2500 человѣкъ" рабочихъ завода „Старый Провіайненъ" подъ предсѣдательствомъ „С. Устинова" (не большевикъ ли эсъ-эровскаго толка изъ эмигрантовъ?) на выработку такой программы, собравшей какъ въ фокусѣ все, чѣмъ начиняли соціалисты головы нашаго темнаго, малообразованнаго, одураченнаго народа:

1) Требовать смѣщенія Временнаго Правительства, служащаго только тормазомъ революціоннаго дѣла и передать власть въ руки Совѣту р. и с. д.

2) Совѣтъ р. и с. д., опирающійся на революціонный пролетаріатъ, долженъ положить конецъ этой войнѣ, принесшей выгоды только капиталистамъ и помѣщикамъ и ослабляющей силы революціоннаго народа.

3) Потребовать отъ Временнаго Правительства немедленнаго опубликованія тайныхъ военныхъ договоровъ, заключенныхъ старымъ правительствомъ съ союзниками.

4) Организовать красную гвардію и вооружить весь народъ.

5) Выразить протестъ противъ „Займа Свободы", который на дѣлѣ служитъ закабаленіемъ (?) этой свободы.

6) Реквизировать типографіи всѣхъ буржуазныхъ газетъ, ведущихъ травлю противъ Совѣта р. и с. д. и рабочей печати, и предоставить ихъ въ пользованіе рабочихъ газетъ.

7) Впредь до отобранія типографій бойкотировать нижеслѣдующія газеты: „Русская Воля", „Новое Время", „Вечернее Время", „Рѣчь" „День", „Маленькая Газета", „Копѣйка", „Живое Слово", „Современное Слово", „Петроградскія Вѣдомости", „Петроградскій Листокъ", „Петроградская Газета", „Единство".

8) Протестовать противъ вмѣшательства Англіи въ наши внутреннія дѣла и противъ задержки эмигрантовъ.

9) Реквизировать всѣ (!) продукты продовольствія для нуждъ широкихъ массъ и установить твердыя цѣны на всѣ продукты потребленія.

10) Произвести *немедленный захватъ* помѣщичьей, удѣльной, монастырской земель крестьянскимъ комитетомъ и передать орудія производства въ руки рабочихъ.

11) Протестовать противъ вывода революціонныхъ войскъ изъ Петрограда.

12) Признать, что Временное Правительство ни въ коемъ случаѣ не можетъ распоряжаться деньгами для выдачи пенсій бывшимъ министрамъ и ихъ семействамъ—этимъ кореннымъ врагомъ народа".

Вотъ этотъ—то продуктъ государственной мудрости „Извѣстія" и напечатали въ № 41 на почетномъ мѣстѣ крупнымъ шрифтомъ своихъ передовыхъ статей безъ всякихъ оговорокъ. Но надо думать, товарищамъ редакторамъ указали на все неприличіе такой литературы, и на другой день редакція стыдливо оповѣстила, что „эта резолюція, выражающая мнѣніе одной группы рабочихъ, не отвѣчаетъ взглядамъ Совѣта". А черезъ полтора мѣсяца тѣ же „Извѣстія" безъ всякихъ оговорокъ напечатали такой бредъ общаго собранія рабочихъ завода Лангезиппенъ и К⁰. отъ 29 мая 1917 г.:

„Необходимо *немедленно* и рѣшительно принять слѣдующія мѣры: I. Организовать производство, распредѣленіе и транспортъ. II. Отмѣнить косвенные налоги, III. Отмѣнить таможенные сборы, предоставить свободу торговлѣ. Для успѣшной же и быстрой организаціи транспорта, производства и распредѣленія и для того, чтобы припасы страны не пострадали отъ отмѣны косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ сборовъ. Мы требуемъ! Установленія максимальнаго дохода для капиталистовъ всѣхъ видовъ отъ ихъ предпріятія для безбѣднаго ихъ существованія. Вся чистая прибыль предпріятія за вычетомъ максимальнаго дохода капиталистовъ, суммы необходимой для амортизаціи, суммы необходимой на ученіе и расширеніе предпріятій, должна поступить на усиленіе средствъ народнаго банка. Организацію же транспорта, производства и распредѣленія передать *немедленно* въ руки самаго трудового народа. Протестуемъ и будемъ протестовать противъ вмѣшательства въ это дѣло Государственной или другой какой-либо общественно-чиновничьей машины, ибо отъ такого вмѣшательства рабочему нельзя ожидать чего-либо хорошаго. Вмѣсто этого ввести контрольные комитеты: въ селахъ Сельскохозяйственные, въ городахъ фабрично-заводскіе, желѣзнопрокатные, банковые, торговопромышленные, домовые и т. д. Спасеніе Россіи въ учрежденіи контрольныхъ комитетовъ. Федерація контрольныхъ комитетовъ по индустріямъ и соединеніе федераціи во всеросс. союзъ контр. комит., устанавливающей и регулирующей все производство, все распредѣленіе и весь транспортъ страны, союзъ федерація и контрольный комитетъ долженъ быть свободнымъ независимымъ, вполнѣ автономнымъ съ административными, но не законодательными функціями. Это должно быть генеральной репетиціей передъ окончательнымъ сверженіемъ царства капитализма. *Тотчасъ* за концомъ войны долженъ послѣдовать

соціальный переворотъ. Мы въ это вѣримъ. Для успѣшнаго завершенія этого переворота мы требуемъ отъ васъ и призываемъ тов. солдатъ *тотчасъ* по заключеніи мира *немедленнаго* роспуска всей арміи до одного человѣка. Земля—крестьянамъ, фабрики—рабочимъ и то и другое трудовому народу. Довольно! Мы сами хотимъ быть себѣ господами, только сами и больше никто. Послѣ войны, послѣ демобилизаціи должно быть окончательно установлено свободное царство труда. Да здравствуетъ экономическое освобожденіе! Да здравствуетъ свѣтлое царство труда и счастья! Да здравствуетъ соціальная революція! Да здравствуетъ соціализмъ! Впередъ безъ страха и сомнѣнія!

Просимъ перепечатать другія газеты". (№ 82).

Если 2500 рабочихъ съ завода Ст. Парвіайненъ такъ легко приняли глупую резолюцію, насвистанную имъ проѣхавшими черезъ Германію интеллигентами-эмигрантами, то почему нѣсколько сотъ рабочихъ съ завода Лангезиппенъ не могли съ чистой совѣстью подписаться подъ резолюціей, сочиненной душевно-больнымъ изъ рабочихъ, но въ главныхъ мнѣніяхъ соотвѣтствующей стремленіямъ большевиковъ создать „тотъ объединяющій хозяйственный центръ заводскихъ комитетовъ, который долженъ замѣнить личное творчество, какъ основу современнаго капиталистическаго строя, творчествомъ общественнымъ самихъ рабочихъ"? (См. Правду" № 74 отчетъ о конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ).

Въ августѣ мѣсяцѣ какіе-то молодцы заставили петроградскихъ рабочихъ Нобеля подписаться подъ резолюціей объ отказѣ платить подоходный налогъ подъ лживымъ предлогомъ, будто „не установленъ прожиточный минимумъ". Очевидно, и эти рабочіе совершенно не понимали, что подписываютъ. Они понимали только, что пріятнѣе издержать деньги на „сѣмечки" и кинематографъ, чѣмъ на уплату налога.

Нашъ рабочій классъ, дѣйствительно, заболѣлъ. Онъ былъ отравленъ моральнымъ ядомъ...

V.

Цимервальдцы въ Россіи.

Если уже на другой день послѣ побѣды революціи, тѣнь Циммервальда показалась въ Россіи, то скоро при-

ползло и все туловище. Сначала продвинулись сработанныя Парвусомъ грязныя ноги: Ганецкій-Фюрстенбергъ съ Суменсонъ и со всей компаніей международныхъ бандитовъ, у которыхъ предательство и измѣна являются коммерціей, а коммерція — прикрытіемъ предательства и измѣны. Если Парвусъ поставлялъ германскихъ шпіоновъ слѣва, то другіе «журналисты» призваны были работать среди болѣе правыхъ партій и классовъ.

Амнистія открыла широкій доступъ въ Россію вольнымъ и невольнымъ нашимъ изгнанникамъ, революціонерамъ и соціалистамъ. Правительство радостно встрѣчало всѣхъ эмигрантовъ, которые черезъ Англію, не боясь германскихъ минъ, спѣшили вернуться на родину. И не мало нашлось настоящихъ патріотовъ-революціонеровъ, какъ Плехановъ, Крапоткинъ, Савинковъ и др., которые моремъ подъ угрозой германскихъ подводныхъ лодокъ проѣхали въ Россію. С-р. Карповичъ съ нѣкоторыми своими товарищами заплатилъ за свою любовь къ Россіи жизнью. Но было много и такихъ, которыя по цѣлому ряду причинъ не хотѣли ѣхать въ Россію черезъ Англію. Во-первыхъ, они считали свою жизнь слишкомъ драгоцѣнной для человѣчества, чтобы подвергать ее опасности отъ слѣпой германской мины, не способной отличить интернаціоналиста Ленина отъ соціалъ-патріота Плеханова. Во-вторыхъ, морской путь долженъ былъ поглотить слишкомъ много времени, а въ Россію ихъ звала неотложная работа. Въ третьихъ, наконецъ, у нихъ были маленькіе счеты съ англо-французской полиціей, отмѣтившей ихъ въ «контрольныхъ спискахъ», какъ опасныхъ иностранцевъ, поддерживавшихъ во время войны сношенія съ германскими соціалистами и съ дипломатическими агентами враждебныхъ державъ, конечно, тоже интернаціоналистами.

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ съ первыхъ же дней революціи начались ожесточенныя аттаки противъ Англіи и нашего министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова, яко бы ставящихъ неодолимыя препятствія возвращенію на родину русскихъ революціонеровъ. Подъ шумъ этихъ нападокъ часть нашихъ эмигрантовъ завязала переговоры черезъ швей-

царскихъ соціалистовъ Роб. Гримма, Пляттена и министра Гофмана о проѣздѣ черезъ Германію въ Швецію и въ Россію. Германія такое разрѣшеніе дала и большія группы циммервальдцевъ-революціонеровъ всѣхъ цвѣтовъ, (большевики, и меньшевики и соціалисты-революціонеры и бундисты) имѣли безстыдство и тупоуміе воспользоваться германскимъ разрѣшеніемъ и безъ всякаго риска для своей особы пробраться въ Россію. Среди нихъ были чуть ли не всѣ виднѣйшіе лидеры: Ленинъ, Зиновьевъ, Аксельродъ, Мартовъ, Мартыновъ, Натансонъ, Абрамовичъ и др. Изъ видныхъ заграничныхъ русскихъ циммервальдцевъ развѣ у одного только В. Чернова хватило такта и благоразумія отказаться отъ проѣзда черезъ Германію, да Троцкій, котораго революція застала въ Америкѣ, никакъ не могъ миновать негостепріимной Англіи, гдѣ и имѣлъ непріятныя столкновенія съ полиціей.

Въ числѣ первыхъ пріѣхали гг. Ленинъ и Зиновьевъ. И Исполнительный Комитетъ Совѣта р. и с. д., зная, какимъ путемъ большевистскій лидеръ попалъ въ Россію, не постѣснялся устроить ему положительно царскую встрѣчу. Прочтите на первой страницѣ № 32 «Извѣстій» удивительное описаніе этой встрѣчи. Редакція революціоннаго офиціоза, очевидно, использовала всѣ таланты былыхъ придворныхъ хроникеровъ. Какой стиль! Какая почтительность! «Исполнительный Комитетъ постановилъ привѣтствовать Н. Ленина черезъ особую делегацію». «Войсковыя части сейчасъ же дали наряды на откомандированіе ротъ для почетнаго караула на Финляндскій вокзалъ». «Массы рабочихъ и солдатъ, собравшихся къ дворцу Кшесинской». «Впереди демонстрантовъ ѣхалъ бронированный автомобиль, на которомъ рѣяло знамя Р. С.-Д. Р. П. Въ 11 час. 10 мин. (какая точность!) подошелъ поѣздъ. Вышелъ Ленинъ, привѣтствуемый друзьями, товарищами по давнишней партійной работѣ. Подъ знаменами партіи двинулся онъ, (онъ не ходитъ, онъ двигается!) по вокзалу, войска взяли на караулъ... Морской офицеръ, сопровождавшій Н. Ленина, и здѣсь Н. Ленинъ произнесъ (надо было сказать: изволилъ произнести) первую рѣчь въ свободной Россіи революціон-

нымъ войскамъ. Идя дальше по фронту войскъ, шпалерами стоявшихъ на вокзалѣ и державшихъ «на караулъ», проходя мимо рабочей милиціи Н. Ленинъ всюду былъ встрѣчаемъ восторженно. Въ парадныхъ (раньше онѣ назывались царскими!) комнатахъ вокзала его привѣтствовали депутаціи, въ томъ числѣ представитель (предсѣдатель) Исполнительнаго Комитета Н. С. Чхеидзе. Наконецъ (!!) Н. Ленинъ на площади. Заволновалось море головъ, прожекторы изъ края въ край (лучше не выдумать!) освѣщали площадь (шаръ земной!), рѣющія знамена, громадныя толпы, кричавшія ура, привѣтствовавшія прибывшаго стараго солдата революціи. Народъ требуетъ слова. Ленинъ поднимается на автомобиль (немного непонятно!), на площади воцаряется тишина и Ленинъ произноситъ здѣсь первую свою рѣчь къ революціонному пролетаріату Петрограда (раньше была «первая рѣчь» къ моимъ революціоннымъ войскамъ!). Затѣмъ Ленина берутъ броневики на свой бронированный автомобиль и тихимъ ходомъ, окруженный многотысячной толпой, онъ двигается къ помѣщенію Петербургскаго комитета» и т. д. и т. д. вплоть до традиціоннаго: «Въ помѣщеніи Комитета... далеко за полночь продолжалось чествованіе и только въ четвертомъ часу ночи работники революціонной соціалъ-демократіи»... бѣдные, усталые, «работники»...

Но развѣ можно требовать отъ людей, устроившихъ Ленину такую встрѣчу, чтобы они терпѣли привлеченіе его къ суду за государственную измѣну!..

На другой же день выяснилось, какъ обманывали солдатъ, чтобы согнать ихъ для встрѣчи Ленина. Тѣ самые матросы 2-го Балт. флотскаго экипажа, которые составили Ленину почетный караулъ, въ особомъ постановленіи заявили: «Нынѣ, узнавъ, что Ленинъ вернулся къ намъ въ Россію съ высочайшаго соизволенія его величества императора германскаго и короля прусскаго, выражаемъ свое глубокое сожалѣніе по поводу нашего участія въ его торжественномъ въѣздѣ въ Петроградъ» («Рѣчь» отъ 15 апр.). «Извѣстія» этого документа, конечно, не напечатали.

Обманутые матросы не знали не только какъ пріѣхалъ Ленинъ, но и что проповѣдывать онъ пріѣхалъ. Но г. Чхеидзе и совѣтскіе дѣльцы это отлично знали. Они то знали, что еще до своего пріѣзда въ письмахъ въ «Правду» изъ-за границы г. Ленинъ во славу циммервальдскаго мира «безъ аннексій» доказывалъ, согласно съ видами германскихъ дипломатовъ, что Украина, Финляндія и Курляндія «аннексіи» Россіи. Они то знали, что этотъ господинъ въ № «Правды» отъ 21 марта писалъ о нашей революціи строки, которыя могли появиться только либо въ «Земщинѣ» и «Прусскомъ Знамени», либо въ германскихъ правительственныхъ газетахъ. «Весь ходъ событій февральско-мартовской революціи—писалъ г. Ленинъ—показываетъ ясно, что англійское и французское посольство съ ихъ агентами и «связями», давно дѣлавшія самыя отчаянныя усилія, чтобы помѣшать сепаратнымъ соглашеніямъ и сепаратному миру Николая II съ Вильгельмомъ II, непосредственно стремились къ смѣщенію Николая Романова... Англо-французскій имперіалистическій капиталъ... ковалъ дворцовыя интриги, устраивалъ заговоръ, подстрекалъ и обнадеживалъ Гучковыхъ и Милюковыхъ, подстрекалъ совсѣмъ готовое новое правительство, которое и захватило власть послѣ первыхъ же ударовъ пролетарской борьбы, нанесенныхъ царизму». Это—языкъ и мысли Глинки и Дубровина, языкъ германскихъ прокламацій, посылавшихся въ мартѣ въ русскія войска, языкъ выходившей подпольно черносотенной «Грозы». А совѣтскіе вожди все это знали, читали и... привѣтствовали автора.

За Ленинымъ въ Россію черезъ Германію быстро поползли отдѣльные члены циммервальдскаго туловища. Не могла проникнуть только голова, предсѣдатель обѣихъ конференцій и Бернской комиссіи Робертъ Гриммъ, уже въ мартѣ мѣсяцѣ рвавшійся въ Россію, но встрѣтившій рѣшительное противодѣйствіе П. Н. Милюкова, хорошо знавшаго главнаго циммервальдскаго героя. Керенскій, Церетели, Скобелевъ неоднократно и настойчиво требовали пропуска для Гримма отъ П. Н. Милюкова, соображенія котораго «о зависимости Р. Гримма отъ германскаго правитель-

ства» они признавали «ничѣмъ неподкрѣпленными». Совѣтъ р. и с. д. пришелъ на помощь соціалистическимъ лидерамъ всѣмъ своимъ авторитетомъ, подкрѣпивъ ихъ требованіе. Въ кампаніи, приведшей къ отставкѣ П. Н. Милюкова, отказъ его впустить въ Россію Р. Гримма сыгралъ не послѣднюю роль. Это призналъ и г. Церетелли, въ своей рѣчи о высылкѣ Гримма подчеркнувшій, что «какъ разъ въ тотъ моментъ, когда прежній министръ ин. дѣлъ упорно уклонялся отъ исполненія этого требованія, разразился тотъ кризисъ временнаго правительства, основаніемъ котораго въ значительной степени послужила политика министра ин. дѣлъ» («Изв.» № 83). Отставка еще не была подана П. Н. Милюковымъ, какъ Роб. Гриммъ уже стоялъ на финляндско-шведской границѣ. Церетелли и Скобелевъ обратились къ М. И. Терещенко за паспортами для Гримма. Новый министръ ин. дѣлъ предложилъ имъ взять на себя ручательство, которое тѣ и дали съ легкимъ сердцемъ. Но Роб. Гриммъ не сталъ даже дожидаться этихъ паспортовъ. Онъ обратился въ Гельсингфорскій Совѣтъ раб., солд. и матр. деп. (виднѣйшіе дѣятели котораго были арестованы послѣ третье-іюльскаго мятежа) и тотъ приказалъ пограничной стражѣ пропустить знатнаго иностранца въ Россію.

И вотъ глава «третьяго Интернаціонала» въ Россіи. На казенныхъ лошадяхъ и на казенныхъ автомобиляхъ онъ въ сопровожденіи подозрительной русско-итальянско-германской интернаціоналистки Балабановой и членовъ Сов. р. и с. д. разъѣзжаетъ по казармамъ и ведетъ тамъ пропаганду... сепаратнаго мира съ Германіей. Это смутило даже его меньшевистскихъ покровителей, избравшихъ Р. Гримма почетнымъ предсѣдателемъ своей конференціи: лозунга сепаратнаго мира они не провозглашали и находили, что онъ «можетъ быть деже не предусмотрѣнъ въ манифестѣ Циммервальда». (Слова Скобелева). Но скандалъ на этомъ не остановился. Министерству ин. дѣлъ доставлена была шифрованная телеграмма швейцарскаго министра ин. дѣлъ Гофмана г-ну Одье, посланнику въ Петроградѣ. Въ телеграммѣ посланнику предлагалось позвать Гримма и объяснить ему условія, на которыхъ Германія пошла бы съ Россіей на сепаратный миръ,

доложивъ, что «Германія не предприметъ никакого наступленія, доколѣ будетъ казаться возможнымъ соглашеніе съ Россіей». М. И. Терещенко призвалъ тогда М. И. Скобелева и И. Г. Церетелли и сказалъ: вы ручались... Министры соціалъ-демократы взяли съ собой главнаго поручителя Мартова и отправились къ Роб. Гримму: «мы за васъ ручались». Роб. Гриммъ поспѣшилъ ихъ увѣрить, что чрезвычайно пораженъ этой исторіей, никакого сообщенія отъ швейцарскаго посланника не получалъ, и не понимаетъ какъ такой документъ могъ явиться. Онъ, Роб. Гриммъ, видитъ въ этомъ лишь «грубый маневръ съ германской стороны использовать его петроградскія выступленія», хотя онъ еще въ Бернѣ, «явившись въ германское посольство для визированія паспорта, уклонялся отъ всякаго политическаго разговора». «Дѣйствительную же подоплеку участія швейцарскаго правительства въ этомъ дѣлѣ» онъ сможетъ установить лишь на мѣстѣ, куда и началъ спѣшно торопиться. Свои объясненія Роб. Гриммъ соглашался опубликовать въ печати, но г.г. Церетелли и Скобелевъ требовали еще добавочнаго заявленія, что онъ «считаетъ такой способъ дѣйствія со стороны германскаго правительства гнусной провокаціей, а посредничество въ этомъ дѣлѣ швейцарскаго министра прислужничествомъ и поощреніемъ провокаціи». Но на такое заявленіе Роб. Гриммъ никакъ согласиться не могъ. Министры-соціалисты съ огорченіемъ сообщили ему, что тогда они не въ состояніи воспрепятствовать высылкѣ его за предѣлы Россіи. Роб. Гриммъ не былъ этимъ особенно огорченъ и лишь просилъ своихъ друзей не оглашать всей исторіи, пока онъ не переѣдетъ границу. Мягкосердечные министры-соціалисты согласились и Роб. Гриммъ съ г-жей Балабановой поспѣшили удрать изъ Россіи... пока министры не передумали.

Этотъ скандалъ совпалъ съ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ р. и с. д., открывшимся 3 іюня, и первымъ дѣломъ, которымъ занялся этотъ «всероссійскій съѣздъ», былъ запросъ о незаконной высылкѣ Роб. Гримма. Запрашивали Мартовъ, Зиновьевъ, отвѣчать пріѣхали три министра: Керенскій, Церетелли, Скобелевъ. Мартовъ возмущался, что «русская революція выбросила самаго энергичнаго борца за миръ,

самаго послѣдовательнаго интернаціоналиста». Этотъ «самый послѣдовательный интернаціоналистъ», отрицавшій въ Россіи за соціалистами право защиты отечества даже при нападеніи, у себя на родинѣ, когда нейтралитету Швейцаріи грозила опасность, голосовалъ 3 авг. 1914 г., а кредиты на мобилизацію. «Самый послѣдовательный интернаціоналистъ», требовавшій отъ русскихъ простаковъ замѣны внѣшней войны войной внутренней, гражданской, классовой, у себя въ Швейцаріи, въ своей Berner Tagwacht писалъ: «Та часть швейцарскаго народа, которая не призвана подъ ружье, послѣ мудраго размышленія и при здравомъ разсудкѣ обязана поддержать мѣры правительства. За спиной нашихъ храбрыхъ солдатъ, которые безъ возраженій исполняютъ свой долгъ, должна стоять *солидарность всего народа*» (см. «Совр. Міръ» №№ 5-6). Когда такія приблизительно слова писалъ русскій соціалъ-демократъ Плехановъ, г. Мартовъ не называлъ его «самымъ послѣдовательнымъ интернаціоналистомъ». Впрочемъ въ подкрѣпленіе своего лестнаго мнѣнія о Р. Гриммѣ г. Мартовъ привелъ и такой доводъ: «Товарищу Гримму именно въ качествѣ предсѣдателя Циммервальдской Комиссіи больше всѣхъ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ пришлось принять на себя этой клеветы. Во всѣхъ воюющихъ странахъ о немъ постоянно поднималась молва, какъ о скрытомъ агентѣ другой страны». Конечно, г. Мартовъ находилъ и все поведеніе Р. Гримма въ Россіи безукоризненнымъ и его отказъ дать требуемую подписку правильнымъ, а претензіи Церетелли и Скобелева необоснованными.

Керенскому, Скобелеву, Церетелли, Либеру, Дану, Гоцу стоило огромныхъ трудовъ убѣдить большинство, что Гриммъ поступалъ не корректно. Церетелли выступалъ три раза. Его ежеминутно прерывали. Ему не давали говорить, такъ что онъ долженъ былъ бросить своимъ противникамъ загадочныя, но грозныя, слова: «Вы хотите сорвать пренія... Вы боитесь того, что я говорю... Вы боитесь, чтобы я кончилъ» (№ 84). Чего они боялись? Знали они уже тогда всю правду о Гриммѣ? Къ счастью, большинство все-таки повѣрило министрамъ, но нашлось и 135 темныхъ депутатовъ, пошедшихъ за Мартовымъ и Зиновьевымъ.

Хорошо было, вѣроятно, ихъ самочувствіе, когда черезъ 5 дней стало извѣстно, что шифрованная депеша Гофмана была лишь отвѣтомъ на шифрованную телеграмму самого Гримма. Была опубликована и эта телеграмма, въ которой презрѣнный германскій агентъ, заставившій избрать себя въ предсѣдатели третьяго циммервальдскаго интернаціонала, сообщалъ въ шифрованной депешѣ черезъ Гофмана германскому правительству изъ Петрограда: «Жажда мира повсемѣстна. Препятствія къ осуществленію ставятся Франціей, а затрудненія Англіей. Съ ними въ настоящее время ведутся переговоры... Въ ближайшіе дни слѣдуетъ ожидать новаго давленія на нихъ. Единственной помѣхой и притомъ опаснѣйшей для исхода переговоровъ могло бы явиться германское наступленіе на восточномъ фронтѣ... Созываемая Совѣтомъ р. и с. д. международная конференція является частью мирной политики новаго правительства... Сообщите мнѣ объ извѣстныхъ вамъ военныхъ цѣляхъ правительства, такъ какъ тѣмъ самымъ будутъ облегчены переговоры» («Изв.» № 98). Улики были настолько подавляющи, что самъ Гриммъ не посмѣлъ отрицать подлинность этой шпіонской шифрованной переписки. «Извѣстія» не могли отказать себѣ въ удовольствіи поиздѣваться надъ противниками министровъ-соціалистовъ. «Еще характернѣе для личности г. (увы! уже не т.) Гримма тотъ фактъ, что эти свои отношенія онъ скрылъ не только отъ т. т. Церетелли и Скобелева, но и отъ своихъ ближайшихъ политическихъ друзей съ т. Мартовымъ во главѣ. Эти друзья ломали за него копья и шли въ аттаку на т. т. министровъ. А г. Гриммъ тихонько ухмылялся... и молчалъ! (№ 94).

Таковъ „предсѣдатель“, а вокругъ него небольшая, но честная компанія другихъ циммервальдцевъ, „послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ“: Ленинъ, Зиновьевъ, крадекъ Радекъ, (Собельсонъ), контрабандистъ Ганецкій (Фюрстенбергъ), бывшій защитникъ погромщиковъ Козловскій, Балабанова, другіе птенцы изъ гнѣзда Парвуса, начинявшаго ихъ изъ Германіи и „революціонной идеологіей“, и кое-чѣмъ болѣе существеннымъ...

Средняя масса россійскихъ вахлаковъ, одураченныхъ всей этой „циммервальдской братіей“, пыталась было протестовать противъ разныхъ героевъ заграничной складки, слишкомъ уже странно себя аттестующихъ. Стенограммы Всероссійскаго съѣзда совѣтовъ хранятъ такой эпизодъ, имѣвшій мѣсто 12 іюня при предсѣдателѣ Гегечкори. Провинціалъ Калининъ беретъ слово: „Тамъ на мѣстахъ мы не знали ни Ленина, ни Анжелики Балабановой, ни Гримма, ни всѣхъ этихъ явленій, которыя насъ, сознательныхъ людей, и всѣхъ по существу интернаціоналистовъ, толкаютъ на страшную мысль о томъ, гдѣ кончается агентъ опредѣленной намъ страны и начинается кто-то...

Предсѣдательствующій. Призываю васъ къ порядку. Воздержитесь отъ всякихъ сравненій.

Калининъ. Я воздержусь. Это непріятно.

Предсѣдательствующій. Я лишу васъ слова.

Калининъ. Я буду деликатнѣе говорить, но съ своей стороны хочу обратить только вниманіе (шумъ).

Предсѣдательствующій. Если вы до сихъ поръ говорили не деликатно, то я лишаю васъ слова. Будьте добры покинуть каѳедру. (Апплодисменты). („Изв.“ № 91).

На какомъ основаніи, за что г. Гегечкори лишилъ Калинина слова и почему согналъ съ каѳедры? Почему шумѣли и апплодировали совѣтскіе депутаты? Чего они боялись? Того ли, что и для средняго русскаго „интернаціоналиста“ послѣ разоблаченія Гримма подоплека „третьяго интернаціонала“ изъ Циммервальда станетъ вполнѣ ясной? „Вожди“ съ этимъ мириться не хотѣли. П. Аксельродъ, А. Барабановъ, П. Лапинскій, Л. Мартовъ, Х. Раковскій опубликовали письмо, въ которомъ, называя поступокъ Гримма, „легкомысленной авантюрой“, обвиняя его въ „нарушеніи довѣрія своихъ товарищей и организаціи“, выражали въ то же время свое твердое убѣжденіе, что онъ все-таки „не руководился, никакими своекорыстными побужденіями и не бралъ на себя роль агента германской дипломатіи“. А въ заключеніе письма меньшевистскіе вожди рѣшительно заявили, что „дѣло Гримма ни въ коемъ случаѣ не броситъ тѣни на циммервальдское движеніе“ и что

„боевой союзъ интернаціоналистовъ, сильный взаимнымъ довѣріемъ входящихъ въ него партій, будетъ продолжать свою работу“...

А Гриммъ, Гофманъ, Бетманъ-Гольвегъ и Вильгельмъ II читали это, тихонько ухмылялись... и молчали.

Какъ не вспомнить тѣхъ словъ, которыми «Изв. Сов. р. и с. д.» въ самомъ началѣ революціи клеймили «тайную дипломатію—родное дѣтище самовластья». «Она боится свѣта и предпочитаетъ творить свое грязное дѣло въ темнотѣ, тщательно оберегая себя отъ общественнаго контроля» (№ 18).

Въ XX вѣкѣ «тайная дипломатія» для своихъ, самыхъ грязныхъ, дѣлъ пользуется главнымъ образомъ соціалистами, интернаціоналистами.

Черезъ циммервальдцевъ «тайная дипломатія» Германіи превратила нашу революцію изъ національной въ классовую, разрушила общественное единство, разложила нашу армію, подорвала всѣ силы нашей государственности и нашего народнаго хозяйства и поставила Россію на край гибели.

VI.

Партіи.

Въ первой же своей рѣчи въ Совѣтѣ р. и с. д. по возвращеніи изъ Иркутска главный вождь русскихъ меньшевиковъ И. Г. Церетелли сказалъ: «Товарищи рабочіе, здѣсь передъ вами не члены отдѣльныхъ фракцій, на которыя когда-то дѣлилась наша партія. Это было въ годы мрачной реакціи, когда у нашей партіи не было возможности творческаго осуществленія своихъ задачъ... Тогда мы раскалывались на отдѣльныя фракціи, тогда мы изъ-за мелочныхъ разногласій возставали другъ на друга въ братоубійственной борьбѣ. Не такое время теперь. Передъ вами представители с.-д. фракціи, объединившей большевиковъ и меньшевиковъ,—какъ единое цѣлое». («Изв.» № 20).

Какъ почти все, что говорилъ И. Г. Церетелли, и это была сказанная съ большимъ подъемомъ и съ большой субъективной искренностью объективная неправда... Какъ правдиво отрицалъ онъ деморализацію арміи, приведшую вскорѣ къ ужасамъ Калуша и къ разгрому, такъ же искренно возвѣщалъ онъ и объединеніе большевиковъ съ меньшевиками въ «единое цѣлое». Характерно для него и это сваливаніе отвѣтственности за все на «мрачную реакцію»... Но «мрачная реакція» кончилась, а расколъ среди соціалъ-демократовъ не только не прекратился, но даже усилился. Большевики были дальше, чѣмъ когда-либо, отъ сліянія съ меньшевиками. Ядро той и другой фракціи явно отлилось уже въ отдѣльныя партіи, различающіяся не только по тактикѣ, но и по программѣ (въ земельномъ вопросѣ). Въ самой фракціи меньшевиковъ было весьма и весьма неблагополучно. Фракція не только была внѣшне слаба и, имѣя довольно много интеллигентныхъ силъ, преимущественно изъ грузинской и еврейской среды, была слабо связана съ русскими рабочими массами, но и внутри дробилась на отдѣльныя, враждующія одна съ другой, группы. Сожительство этихъ группъ, расколовшихся по такимъ основнымъ вопросамъ, какъ отношеніе къ оборонѣ страны, къ коалиціонному правительству, къ большевикамъ, къ роли Совѣтовъ въ управленіи государствомъ, было явно ненормально, обезсиливало партію. Что было общаго у Потресова съ Мартовымъ, Мартыновымъ, Ерманскимъ, которые гораздо ближе подходили къ Луначарскому, Троцкому и Ленину... Еще до августовской городской меньшевистской конференціи, давшей большинство «интернаціоналистамъ» Мартовскаго типа и приведшей къ тому, что меньшевики вычеркнули Церетелли изъ списка своихъ кандидатовъ въ петроградскіе гласные, «Рабочая Газета» сознавала, что «слабость нашей организаціи была причиной того, что мы подчасъ слишкомъ легко, почти безъ боя сдавали рядъ позицій ленинизму, позволяя ему укрѣпляться среди революціонно-максималистски настроенныхъ, но политически неразвитыхъ массъ» (№ 49). Но это признаніе, сдѣланное въ началѣ мая, нисколько не повліяло на поведеніе меньшевиковъ. Такъ же «безъ боя» продолжали они въ дальнѣйшемъ сдаваться «ле-

нинизму». Они оказались безсильны потому, что въ основу своей политической работы положили демагогію, а, не имѣя собственныхъ «массъ», зависѣли отъ тѣхъ, кто своей агитаціей умѣлъ подымать и двигать эти массы. 20—21 апрѣля меньшевики приняли услуги большевиковъ, посадившихъ ихъ на министерскія кресла. Это заставило меньшевиковъ попустительствовать разложенію арміи, даже когда сами они въ значительной своей части отказались отъ «братанія» и «немедленаго перемирья» и стали постепенно переходить на оборонческую позицію, продолжая пользоваться циммервальдской фразеологіей. Къ 10 іюня большевики подготовляли меньшевикамъ новый ударъ при соучастіи лѣвой части меньшевистскаго блока. Задача большевиковъ сводилась къ передачѣ «всей власти» «совѣтамъ» т. е. меньшевикамъ и соціалистамъ-революціонерамъ. Ихъ господство должно было служить переходнымъ этапомъ къ невиданной, какъ признавался и г. Ленинъ, во всемъ мірѣ республикѣ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и батрацкихъ депутатовъ, представляющей «самый совершенный образъ правленія». Къ 10 іюня меньшевики уже вполнѣ увидали ту пропасть, въ которую ихъ и всю Россію толкаютъ большевики. Но было уже поздно. Въ самой меньшевистской организаціи лѣвая «интернаціоналистская» половина сильно росла. Попытка совмѣстно съ большевиками устроить 18 іюня съ благословенія правительства анти-правительственную манифестацію обнаружила не только физическую слабость (въ этомъ нѣтъ вины-) меньшевиковъ, но и ихъ моральную дряблость. 3 іюля меньшевики были спасены георгіевскими кавалерами, юнкерами и казаками, которыхъ они травили до тѣхъ поръ и на которыхъ продолжали коситься и доносить позднѣе.

Меньшевики могли спасти соціализмъ въ Россіи. Для этого имъ надо было твердой рукой провести водораздѣлъ по отношенію къ оборонѣ страны. Отметя безъ всякихъ колебаній Ленинымъ и Зиновьевыхъ, Каменевыхъ и Троцкихъ, Мартовыхъ и Луначарскихъ, В. Черновыхъ, Камковыхъ и Мстиславскихъ, имъ надо было объединить всѣ чистые оборонческіе элементы, позвать въ свои ряды всѣхъ соціалистовъ отъ Плеханова, Савинкова и Пѣшехонова до Церетелли и

Чхеидзе и попытаться создать большую національную соціалистическую партію, которая бы въ союзѣ со всѣми «живыми силами» принялась за спасеніе страны отъ единственныхъ дѣйствительно угрожавшихъ ей враговъ: германо-австрійцевъ и дезорганизаторовъ большевистскихъ толковъ. Но меньшевики были въ плѣну у Циммервальда, а Циммервальдъ былъ порожденіемъ «тайной дипломатіи», умѣло использовавшей соціалъ-демократическій догматъ о непреложности классовой борьбы даже подъ дулами германскихъ орудій. Во имя этого догмата меньшевики поддерживали и прикрывали большевиковъ и вели борьбу съ «буржуазіей», которая все время только и дѣлала, что предлагала имъ свое сотрудничество.

Большевики правильно и въ яркой формѣ опредѣлили свое отличіе отъ другихъ соціалистическихъ группъ и партій въ небольшой замѣткѣ въ № 67 «Правды»:

«Жди Учредительнаго Собранія—говорятъ крестьянамъ народники и меньшевики,—не бери сейчасъ помѣщичьихъ земель...

Жди! Этотъ призывъ очень нравится помѣщикамъ.

А мы говоримъ крестьянамъ:

— Не жди!

Мы достаточно ждали при царѣ. Паролемъ революціи не можетъ быть «жди»...

Вотъ и все. Не только крестьянамъ, но и всѣмъ остальнымъ большевики говорили: «не жди!». Въ этомъ весь законъ и пророки. «Не жди!», а бери, хватай сейчасъ же, тащи что можешь и какъ можешь. О послѣдствіяхъ не думай, тамъ разберемся, что урвешь, то будетъ твое!

Такіе лозунги, брошенные въ темныя многомилліонныя безграмотныя массы производятъ оглушающее дѣйствіе. Бороться съ ними словами, убѣждать молодцовъ, вышедшихъ съ кличемъ «сарынь на кичку» въ неправильности ихъ «тактики»—значитъ смѣяться надъ людьми и здравымъ смысломъ. А вѣдь увѣрялъ же г. Церетелли, что Ленинъ ведетъ «чисто идейную борьбу».

Эта «идейная борьба» сводилась къ нечаевщинѣ въ грандiозныхъ размѣрахъ, къ безпредѣльному iезуитизму. Ложь, клевета, трусливыя увиливанiя, наглость и безстыдство, всевозможныя преступленiя отъ служенiя въ охранкѣ и въ нѣмецкихъ шпiонскихъ организацiяхъ вплоть до убiйствъ, погромовъ и разбоевъ—вотъ къ чему сводилась «тактика» большевиковъ. Черномазовъ, Малиновскiй, Ленинъ, Зиновьевъ, Парвусъ, Ганецкiй, Радекъ, Каменевъ, Козловскiй, Хаустовъ, Дзевялтовскiй, и проч. и проч.—вотъ ихъ вожди.

Когда 20 апрѣля ихъ красная гвардiя разстрѣляла на улицахъ столицы безоружныхъ людей, что вызвало взрывъ негодованiя, ихъ «всероссiйская конференцiя» въ особой резолюцiи заявила, что «политическiй кризисъ 19—21 апрѣля показалъ, что правительственная партiя к.-д. переходитъ къ попыткамъ разстрѣла рабочихъ». («Правда» № 42).

Когда большевикамъ подъ напоромъ пробужденiя чувства солдатской чести становится трудно защищать «братанье съ рабами Вильгельма», они на-время объяснятъ, что предлагаютъ брататься только съ «революцiонными социалъ-демократами, борющимися со всѣми Гогенцоллернами». А г. Зиновьевъ не хуже любого сторонника «войны до конца» станетъ утверждать, что «переходъ власти къ нашимъ совѣтамъ будетъ самымъ сильнымъ ударомъ Вильгельму; съ тылу на Вильгельма-палача ударятъ нѣмецкiе рабочiе и крестьяне, это будетъ сокрушительнымъ ударомъ королямъ, банкирамъ, капиталистамъ всѣхъ странъ». («Правда» № 56). Безстыдство этой колоссальной лжи, завѣдомой и намѣренной отъ первой буквы до послѣдней, свидѣтельствуетъ лишь о томъ презрѣнiи, которое эти господа питаютъ къ русскому народу: все де съѣстъ, вплоть до лжи о нѣмецкихъ крестьянахъ, которые пойдутъ противъ Вильгельма...

Задумывая свой мятежъ 10 iюня и зная свое слабое мѣсто, большевики въ № «Правды» отъ этого числа (№ 78), еще за три недѣли до разоблаченiя контръ-развѣдки, предусмотрительно забѣгали впередъ: «По дошедшимъ до насъ свѣдѣнiямъ, сорганизовалась группа нашихъ крупныхъ банковскихъ и финансовыхъ дѣятелей, включающая въ свой составъ и нѣкоторыхъ бывшихъ социалистовъ, которая въ

ближайшемъ будущемъ собирается открыть систематическій походъ противъ нашихъ товарищей Ленина, Зиновьева и др. въ связи съ покупкой типографіи «Правды». Имѣется планъ обвинить нашихъ товарищей и черезъ нихъ и всю партію въ «агитаціи за нѣмецкія деньги», на каковыя будто бы куплена наша типографія»...

Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что когда 3 іюля большевики осуществили подготовлявшуюся еще передъ наступленіемъ къ 10 іюня «вооруженную демонстрацію», одна изъ бандъ мятежниковъ первымъ дѣломъ бросилась къ помѣщенію контръ-развѣдки, гдѣ хранились столь непріятные для многихъ документы.

Меньшевики не могли, конечно, не видѣть, что большевики довольно неудобные союзники и искали другихъ, болѣе подходящихъ. Естественно ихъ взоры обратились на соціалистовъ-революціонеровъ, совершавшихъ на городскихъ выборахъ тріумфально-побѣдоносное шествіе по всей Россіи. Ради союза съ этой сильнѣйшей партіей аграрная секція меньшевистской конференціи, засѣдавшей въ маѣ мѣсяцѣ, предлагала даже произвести съ насиліемъ надъ марксистской научной совѣстью довольно важныя измѣненія въ с.-д. аграрной программѣ. Секція предлагала объявить земли общегосударственной собственностью и, не отчуждая мелкую земельную собственность, право покупки ея предоставить только крупнымъ и мелкимъ органамъ самоуправленія и государству. Но конференція, очевидно, нашла, что такое рѣшеніе, ломая программу, въ то же время не даетъ того, что собственно нужно соціалистамъ-революціонерамъ, которые уже тогда рѣшили сдѣлать краеугольнымъ камнемъ своей политики чисто отрицательный по существу и анархо-деспотическій по послѣдствіямъ черновскій законъ о воспрещеніи земельныхъ сдѣлокъ. Поэтому конференція, «оставаясь на почвѣ аграрной программы партіи впредь до ея пересмотра», высказалась за немедленное изданіе декрета о запрещеніи всякаго рода частныхъ сдѣлокъ на землю и лѣса безъ разрѣшенія земельныхъ комитетовъ, къ которымъ и должно перейти «регулированіе отношеній землепользованія». Этимъ полнымъ отказомъ отъ своей земельной программы, и под-

держкой мѣропріятій, очевидно ведущихъ къ сокращенію сельско-хозяйственной производительности и къ голодовкѣ въ городахъ, меньшевики едва ли однако купили ту именно разумную поддержку, въ которой нуждались.

Соціалисты-революціонеры находились въ сущности въ томъ же положеніи, что и соціалъ-демократы. «Массы» за ними шли, только когда они демагогически поддакивали ихъ стихійнымъ анархо-синдикалистскимъ вожделѣніямъ, когда они, подобно большевикамъ, кричали «не жди» и предлагали крестьянамъ немедленно захватывать землю, рабочимъ—фабрики, желѣзнодорожнымъ рабочимъ—управленіе желѣзными дорогами и т. д. Конечно, они предлагали все это дѣлать «организованно», черезъ комитеты, но и большевики говорили тѣ же самыя слова объ организованности, что не мѣшало меньшевикамъ, людямъ знакомымъ съ экономикой, понимать, къ чему приведутъ народное хозяйство эти «организованные захваты»...

Какъ въ соціалъ-демократіи оборонцы типа Потресова циммервальдской цѣпью Церетелли — Чхеидзе — Мартовъ—Луначарскій—Троцкій были связаны съ чистѣйшими пораженцами типа Ленинъ—Зиновьевъ—Радекъ—Ганецкій, такъ и соціалисты революціонеры тою же циммервальдской цѣпью пытались связать черезъ Чернова стоящихъ во главѣ нашей обороны Керенскаго и Савинкова съ пораженцемъ Камковымъ, прибывшими черезъ Германію Натансономъ, Устиновымъ и К°, съ загадочнымъ Мстиславскимъ, заимствовавшимъ у большевиковъ свою идею „сепаратной“ войны революціонной Россіи со всѣми „буржуазными“ державами союзными и враждебными. На сѣверной областной конференціи с.-р. собиравшейся въ концѣ мая въ Петроградѣ были приняты чисто циммервальдскія резолюціи о войнѣ. Въ нихъ говорилось, что „трудовой классъ городовъ и деревень не заинтересованъ въ продолженіи этой войны“. Параграфъ 5-ый военной резолюціи гласитъ:

„На долю русскаго революціоннаго народа выпало счастье быть застрѣльщиками въ *перенесеніи фронта извнѣ внутрь* въ этомъ святомъ дѣлѣ превращенія военнаго кри-

зиса въ кризисъ революціонный („Дѣло Народа". 24 мая 1917 г.).

Въ этой конференціи особенно дѣятельное участіе принимали гг. Мстиславскій, Черновъ и Русановъ, тотъ самый, который отправился въ Лондонъ договариваться съ союзными соціалистами и проводить среди нихъ формулу безъ анексій и контрибуцій. Это объединеніе подъ одной крышей столь несходнымъ и внутренно непримиримо враждебныхъ элементовъ, связавшихся однако какой-то круговой порукой, обезсиливало партію, къ сожалѣнію, только для положительной работы. Помѣшать же своимъ товарищамъ слѣва творить скверное дѣло разрушенія русской военной силы и русскаго государства оборонцы не были въ состояніи *).

Что касается сотенъ тысячъ и милліоновъ голосовъ, полученныхъ на выборахъ, то меньшевики не могли заблуждаться въ истинной цѣнности этихъ эсъ-эровскихъ силъ. Слишкомъ очевидно было, что не только эти избиратели не дадутъ настоящей поддержки или защиты ни отъ большевиковъ, ни отъ контръ-революціонеровъ, но наоборотъ сами ждутъ отъ своихъ „представителей" кто земли, кто коровы, а кто просто обуви и сахарнаго пайка. Въ сущности эти же самые „монархическіе эсъ-эры" послали въ 1907 г. вторую соціалистическую Гос. Думу и оказали ей „поддержку", когда П. А. Столыпинъ 3 іюля ее разогналъ.

Поучительна и любопытна судьба партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Въ отличіе отъ „чужестранной" соціалъ-демократической она, казалась, является „національной" соціалистической партіей, носительницей „русскаго соціализма". Въ ея святцахъ на первомъ мѣстѣ значатся не Карлъ (Марксъ) и Фридрихъ (Энгельсъ), а Михаилъ (Бакунинъ), Петръ (Лавровъ) и два Николая (Чернышевскій и Михайловскій). А между тѣмъ во время русской революціи эта партія, собравшая на городскихъ выборахъ около половины голосовъ, играла совершенно второстепенную, совер-

---

*) „Оборона страны—изрекло 1 мая черновское „Дѣло Народа" незабываемый афоризмъ—фальшивая и вульгарная формула" (см. „Рѣчь" № 189).

шенно не оригинальную роль, плетясь по стопамъ различныхъ соціалъ-демократическихъ фракцій. Эсъ-эры—оборонцы въ идейномъ отношеніи были ниже Плеханова, а въ тактическомъ у нихъ не хватило плехановскаго мужества разорвать съ циммервальдскимъ ядромъ партіи и объявить ему войну. „Благоразумные“ эсъ-эры—циммервальдцы копировали меньшевиковъ, забѣгая только иногда впередъ со звонкой, но пустой революціонной фразой (литературная особенность В. Чернова)! А лѣвые соціалисты-революціонеры-крайніе интернаціоналисты, въ общественномъ мнѣніи даже совершенно утратили свое лицо и смѣшались съ большевиками и анархистами. Главныя, наиболѣе яркія роли въ первомъ фазисѣ нашей революціи играли не соціалисты-революціонеры, а соціалъ-демократы, окрасившіе совѣты р. и с. депутатовъ въ свои цвѣта. Это не значитъ, что соціалисты-революціонеры принесли родинѣ мало вреда. Они принесли его достаточно, а въ ближайшемъ будущемъ причинятъ еще гораздо больше. Быть можетъ, послѣдній роковой ударъ Россійской Державѣ нанесутъ именно они, когда ихъ проповѣдь земельныхъ захватовъ черезъ комитеты зажжетъ большую часть страны. Недосѣвъ — отказъ въ продажѣ хлѣба, междоусобія въ деревнѣ и, какъ результатъ этого, голодъ въ городахъ и въ третьей части земледѣльческой Россіи—вотъ чѣмъ грозятъ намъ теорія и практика соціалистовъ-революціонеровъ.

Въ моей брошюрѣ, какъ вѣроятно, уже обратилъ вниманіе читатель, почти нѣтъ ссылокъ на такъ называемыя „буржуазныя газеты“. Зато каждая страница пестритъ указаніями на „Извѣстія совѣта раб. и солд. деп.“, на „Правду“, на „Рабочую газету“. Вотъ источники, которыми я почти исключительно пользовался. Это—соціалисты, описанные ими самими. Каждая цитата подтверждена точной ссылкой на номеръ. Ихъ собственными резолюціями, ихъ собственными покаянными признаніями, ихъ статьями я разсказалъ, какъ эти люди разложили русскую армію, русскую государственность, русскую промышленность, подготовили странѣ

пораженіе, позоръ Калуща и въ ближайшемъ будущемъ голодъ...

П. Н. Милюкову съ лѣвой стороны часто бросають упреки, что за 14 дней до революціи онъ призывалъ рабочихъ къ спокойствію, указывалъ на признаки какой-то темной провокаціи. П. Н. Милюкову не приходится отрекаться отъ своего предостерегающаго письма. Онъ можетъ имъ только гордиться. Революція, конечно, не есть дѣло провокаціи, а стихійно прорвавшееся при извѣстныхъ условіяхъ народное чувство и негодованіе. Но въ томъ, что творилось у насъ въ февралѣ мѣсяцѣ передъ взрывомъ народнымъ было много темнаго и загадочнаго, не исчезнувшаго и затѣмъ, когда разразилась подлинная національная революція. Есть большія основанія думать, что тогдашній министръ вн. дѣлъ А. Д. Протопоповъ предполагалъ использовать длящееся рабочее броженіе въ опредѣленныхъ политическихъ цѣляхъ борьбы съ Гос. Думой и съ общественными организаціями, для вызова безпорядковъ, усмиреніе которыхъ дало бы поводъ расправиться съ внутренними врагами и... заговорить о мирѣ, какъ съ союзниками, такъ и съ Германіей. Таковъ былъ, можно, думать, протопоповскій секретъ спасенія Россіи. И не случайно, что, назначивъ на 23-ье февраля начало «активнаго» подавленія забастовки, А. Д. Протопоповъ къ этому дню удалилъ изъ Петрограда царя, заручившись бланкомъ для роспуска Гос. Думы. Надо предполагать, что разные германскіе агенты, которыми всегда кишѣла столица, были освѣдомлены о планахъ А. Д. Протопопова и помогали ему кто чѣмъ могъ...

Но вышедшее на улицу движеніе обмануло ожиданія тѣхъ, кто разсчитывалъ «использовать» его. Войска отказались стрѣлять, и режимъ, державшійся только силою штыковъ, безусловно погибъ въ три дня. Съ нимъ исчезли и Протопоповъ, и внутренняя «охранка», и жандармы. «Мятежъ», мужественно возглавленный Госуд. Думой, превратился въ великую національную революцію. Но германскіе агенты не исчезли и даже не растерялись. Въ два-три дня они приноровились къ новому положенію и съ удивительной проницательностью и рѣшимостью переставили свою ставку съ «чер-

наго» на «красное». Циммервальдская струя уже на третій день послѣ побѣды революціи забила сильно и внушительно, опьяняя слабыя головы русскихъ теоретиковъ и идеалистовъ. Характерно, что верховный вождь всей германской агентуры среди соціалистовъ, безсмѣнный предсѣдатель циммервальдскихъ конференцій и учрежденій Робертъ Гриммъ при первой же вѣсти о побѣдѣ революціи устремился въ Россію и только настойчивость П. Н. Милюкова задержала его на полтора мѣсяца на нашей границѣ. Но Ленинъ, Зиновьевъ, Платтенъ, а еще раньше Ганецкій, Суменсонъ, Козловскій и др. усердно работали въ Россіи и скоро огромное подавляющее большинство совѣтскихъ дѣятелей были обращены въ циммервальдскую вѣру. Среди русскихъ циммервальдцевъ не мало людей темныхъ, преступныхъ, платныхъ агентовъ Германіи. Но на большинство ихъ, конечно, не можетъ лечь подозрѣнія въ сознательной предательской службѣ Германіи. Циммервальдскій символъ вѣры, признающій недопустимой защиту отечества, требующій замѣны внѣшней войны, войной междоусобной классовой, пропагандировался среди соціалистовъ всѣхъ странъ. Въ Англіи, Франціи, въ самой Германіи новое ученіе встрѣтило весьма холодный пріемъ и нашло очень мало послѣдователей. Но Россія, гдѣ народныя массы по темнотѣ, а интеллигенція вслѣдствіе искусственнаго отстраненія отъ государственной работы, не жили въ атмосферѣ дѣятельнаго, сознательнаго патріотизма, циммервальдизмъ сразу сдѣлалъ колоссальные успѣхи, облекши постыдные шкурные инстинкты въ мантію пышной интернаціоналистской идеологіи. Трусъ, дезертиръ и негодяй переставалъ быть трусомъ, а становился интернаціоналистомъ, грабитель, хищникъ и бездѣльникъ получали возможность именоваться соціалистами.

Внѣшнія сдержки отпали, а извнутри поползли самые скверные животные инстинкты, еле прикрытые соціалистической словесностью. Такой циммервальдскій соціализмъ въ пять мѣсяцевъ разрушилъ государство и поставилъ нашу родину на край гибели. Спасти Россію можетъ только возрожденіе патріотизма, самоотверженная любовь къ родинѣ и дѣйствительное искреннее объединеніе ея живыхъ силъ,

ощущающихъ всѣмъ существомъ своимъ, что Россія, какъ цѣлое стоитъ выше отдѣльныхъ личностей, классовъ, народовъ, выше малороссовъ и великороссовъ, выше буржуазіи и пролетаріата.

Петроградъ.
11 августа 1917 г.
